

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 26

АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1977

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 26

АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1977

ГОД ИЗДАНИЯ – ПЯТЫЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

”Хроника защиты прав в СССР” не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York

PAVEL LITVINOV, New York

London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1977 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Сообщения	4
Заявление Турчина об Орлове	5
В защиту грузинских активистов	7
О деле Мальвы Ланды	9
Заявление А. Подрабиника	10
Открытое письмо к художникам	11
Юрий Орлов о секретности	13
Заявление Т. Ходорович и М. Ланды	14

* * *

<i>Сахаров А.</i> Из телеинтервью	16
<i>Григоренко П.</i> Заявление на пресс-конференции	19
<i>Ланда М., Слепак В.</i> Новые аресты членов Хельсинкских групп	23
<i>Алексеева Л.</i> О Хельсинкской группе содействия	29
<i>Чалидзе В.</i> Об активизации правозащитного движения	39
<i>Буковский В.</i> О злоупотреблениях психиатрией в СССР	42
<i>Реддавей П.</i> Положение религиозных меньшинств в СССР	51
Из доклада президента США Комиссии конгресса по безопасности и сотрудничеству в Европе	59
<i>Гинзбургс Дж.</i> Китай – СССР. Вопросы гражданства	66
Обращение баптистов	73
<i>Млинарж З.</i> После "Хартии 77"	80

Personalia

Анатолий Щаранский (<i>Л. Воронина</i>)	87
---	----

Законодательство

Инструкция о госпитализации	90
---------------------------------------	----

Юридический комментарий

<i>Вольгин А.</i> О новых мерах административного взыскания	94
---	----

Обсуждение Проекта Конституции СССР

<i>Вольгин А.</i> О Проекте новой Конституции	97
<i>Капитанчук В., Хайбулин В., Якунин Г.</i> Проект Конституции и религия	101

Из прошлого

<i>Дубнова-Эрлих С.</i> О Михаиле Винавере	105
--	-----

Библиография

"Двадцатый век", вып. 1, 2	110
Новые книги	110
Новые книги издательства "Хроника"	111
Поступления Самиздата	111
Указатель имен	119

СООБЩЕНИЯ

Арестованы

В Москве:

Анатолий Щаранский по обвинению по ст. 64 УК РСФСР (см. стр. 87).

В Грузии:

Члены Грузинской хельсинкской группы Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава. Обвинение пока не известно.

На Украине:

Члены Украинской хельсинкской группы Микола Матусевич и Мирослав Маринович. Обвинение пока не известно.

Приговорены

На Украине:

Члены Украинской хельсинкской группы Микола Руденко — к семи годам лишения свободы и пяти годам ссылки и Алексей Тихий — к десяти годам лишения свободы и пяти годам ссылки по обвинению в антисоветской пропаганде.

Василий Барладяну (Одесса) — к трем годам лишения свободы по обвинению в распространении заведомо ложных сведений, порочащих советский строй.

В Москве:

Известная активистка движения Мальва Ланда — к двум годам ссылки по делу о пожаре — см. стр. 9.

* * *

♦ Юрию Орлову, как сообщают, предъявлено обвинение по ст. 190 УК РСФСР — распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский строй.

♦ Александру Гинзбургу предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР — антисоветская пропаганда и агитация.

ТУРЧИН ОБ АРЕСТЕ ОРЛОВА

Арест Юрия Орлова отозвался болью и возмущением в сердцах всех его друзей — как тех, кто может сказать об этом открыто, так и тех (и их, конечно, большинство), кто не решается высказать свои чувства вслух. Основная черта Юрия Орлова как человека — это спокойное, глубокое чувство собственного достоинства и не менее глубокое уважение человеческого достоинства других. С этим качеством, которое проявляется как железная твердость в соблюдении этических принципов, у Орлова сочетается большая доброта и отзывчивость — можно даже сказать нежность — по отношению к друзьям. Общение с такой личностью облагораживает, придает душевные силы.

Юрий Орлов — выдающийся физик, один из крупнейших в Советском Союзе специалистов по ускорителям элементарных частиц. Он окончил физический факультет Московского университета в 1952 г. и до 1956 г. работал в Институте теоретической и экспериментальной физики в Москве. После доклада Хрущева на XX съезде партии Орлов вместе с несколькими своими товарищами выступил на партийном собрании института (он был тогда членом КПСС) с программой демократических реформ в партии и государстве. Это было бы редкой дерзостью и сегодня, а по тем временам было просто неслыханно. Орлов был исключен из партии и уволен с работы. Прошло около года, пока он смог найти работу, — для этого ему пришлось уехать в Ереван — столицу Армянской ССР. До 1972 г. Юрий Орлов работал в Ереване, наезжая время от времени в Москву, чтобы принять участие в запуске новых ускорителей. К этому периоду относятся ряд его замечательных работ, за которые он получил степень доктора наук, звание профессора, а затем был избран членом-корреспондентом Армянской Академии наук. Переехав в Москву в 1972 г., он некоторое время работал в Институте земного магнетизма и распространения радиоволн Академии наук СССР, а в конце 1973 г. был уволен: формально — по сокраще-

нию штатов, по существу — за письмо Брежневу, в котором он снова поставил ряд вопросов о необходимости демократических реформ и указал, что эти вопросы связаны с недавней кампанией против академика Сахарова.

С тех пор он не мог найти работу. Вынужденный зарабатывать на жизнь уроками, Орлов тем не менее продолжал научную работу. За последние два года он написал несколько работ, в которых заложил основы нового подхода к проблемам теоретической физики, названного им "волновой логикой". Возможно, эти интереснейшие работы явятся в дальнейшем началом перестройки самого фундамента естественных наук.

В мае 1976 г. Юрий Орлов организовал Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, целью которой было наблюдать за тем, как осуществляются на деле гуманитарные статьи Заключительного Акта, и тем способствовать их выполнению. Группа проделала большую работу, собрав около 80 отдельных материалов, относящихся к этому вопросу, и разослав их правительствам стран-участниц Хельсинкского соглашения. Увы, подавляющее большинство этих материалов оказалось свидетельствами о грубых нарушениях Заключительного Акта. Но виноваты в этом, конечно, не те, кто регистрирует нарушения, а те, кто их совершает.

Деятельность Орлова не носила антигосударственного и вообще политического в узком смысле слова характера. Заключительный Акт Хельсинкского соглашения провозгласил права человека международной проблемой. В соответствии с этим группа Орлова предавала международной огласке конкретные факты о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта. Это — благородная и самоотверженная деятельность, без которой невозможно претворение в жизнь высоких идеалов, так часто провозглашаемых на бумаге.

Мне стыдно за страну, в которой таких людей, как Юрий Орлов и другие члены групп "Хельсинки", сажают за решетку.

Валентин Турчин

В ЗАЩИТУ ГРУЗИНСКИХ АКТИВИСТОВ

Прокурору СССР

7 апреля 1977 г. в г. Тбилиси был арестован руководитель Грузинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, журналист Звиад Гамсахурдиа.

После ареста в доме Гамсахурдиа производятся обыски и выемки.

Из сообщения жены Гамсахурдиа нам известно, что обыски и выемки производятся с грубейшим нарушением законности.

7. 4. 77 г. (после того как Гамсахурдиа был арестован вне дома) работники КГБ, явившиеся для обыска, открыли сами двери дома имеющимися у них ключами и вошли в дом, даже не сообщив, что начинается обыск, членам семьи.

Во время обыска производилось изъятие документов и вещей без составления о п и с и изымаемого. Протоколы обыска и выемки членам семьи предъявлены и вручены не были.

В последующие дни работники КГБ являются в дом Гамсахурдиа и производят "обыски" и "выемки" в отсутствие кого-либо из членов семьи Гамсахурдиа, которых в дом не пускают.

Из дома выносятся свертки, книги, ценности, документы, и жена Гамсахурдиа даже лишена возможности видеть, что именно изымается.

Так, она в один из дней после "обыска" обнаружила, что увезен архив покойного отца Гамсахурдиа — известного грузинского писателя Константина Гамсахурдиа.

Такие методы расследования, грубо нарушающие установленные законом нормы и гарантии прав обвиняемого, превращают обыск и выемку в некоторый род легализованного грабежа.

Мы настойчиво требуем срочной и объективной проверки изложенных выше сведений и немедленного принятия мер к устранению произвола и восстановлению законности.

14 апреля 1977 г.

*А.Д. Сахаров
П.Г. Григоренко
С.В. Каллистратова*

ОБРАЩЕНИЕ К МИРОВОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Вслед за арестами в Киеве Руденко, в Москве — Орлова, Гинзбурга в Тбилиси органами КГБ арестованы руководитель Грузинской группы по наблюдению за соблюдением Хельсинкских соглашений Звиад Гамсахурдиа и член грузинского Комитета по правам человека Мераб Костава — оба верующие христиане, члены Грузинской Православной Церкви.

Деятельность Гамсахурдии и Коставы была направлена в защиту прав человека, на защиту религии против попрания свободы Грузинской Церкви. Они выступали, в частности, в защиту религиозной и национальной святыни Грузии — Давид-Гареджийского монастырского комплекса, разрушаемого ныне из-за того, что он находится на территории, включенной в артиллерийский полигон.

Они сделали все, зависящее от них, чтобы мир знал об этом. Незадолго до ареста Гамсахурдии и Коставы в грузинской прессе, радио и телевидении была проведена беспрецедентная кампания дезинформации и клеветы против участников правозащитного движения в Грузии.

В печати появилась статья за подписью Патриарха Грузинской Православной Церкви Давида и трех епископов, содержащая фактически политический донос на участников правозащитного движения в Грузии.

И вот через несколько дней Гамсахурдиа и Костава арестованы, арестованы в Великий Четверг, в день, когда христианский мир вспоминает предательство Иудой Иисуса Христа.

Не указывает ли на такое положение, на пленение Грузинской Церкви то, что Иудин поцелуй борцам за свободу Грузинской Церкви преподают ее представитель и его собратья?

В этом году христиане всего мира, Запада и Востока, встречали праздник Пасхи в одно время, по всему миру в эти торжественные дни возносится ликующая весть "Христос ВОСКРЕС!" И в этой пасхальной радости христианство было единым, как бы преобразуя тем самым вожделенное единство христианского мира.

Вернейший путь обрести это единство — действенная помощь страждущим братьям по вере. В числе этих страдальцев ныне —

заключенные в тюрьму Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава.

Они нуждаются в ваших молитвах, в вашем голосе в их защиту, их дело борьбы за свободу Грузинской Церкви должно быть продолжено – голоса, призывающие к спасению разрушаемого Давид-Гареджийского монастыря, не должны заглухнуть!

12 апреля, вторник Светлой Седьмицы, переходящий праздник Иверской иконы Божьей МАТЕРИ – покровительницы Грузии, день памяти Преподобно-мучеников Давид-Гареджийского монастыря, в семнадцатом веке убиенных.

Члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР: священник *Глеб Якунин*, иеродиакон *Варсонофий Хайбулин*, Виктор *Капитанчук*.

О ДЕЛЕ МАЛЬВЫ ЛАНДЫ

Известная деятельница правозащитного движения Мальва Ланда приговорена к двум годам ссылки по обвинению в неосторожном уничтожении государственного имущества и имущества граждан (ст. ст. 99 и 150 УК РСФСР).

18 декабря 1976 г. в комнате М. Ланды в г. Красногорске Московской области возник пожар. По описанию М. Ланды, она пыталась потушить огонь сама, но не смогла.

Ущерб, причиненный государству пожаром, оценен в 2493 рубля, однако оценка производилась лишь на основе опроса свидетелей, без экспертной оценки. Известно, что в результате пожара сгорела лишь комната М. Ланды, перекрытия и перегородки не сгорели.

В одном деле, рассмотренном Верховным судом РСФСР (дело Кузьмина и Павлова, ст. 99, Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР 1964-1972 гг., 1974), ущерб был оценен в 1120 рублей при том, что пожаром были уничтожены "деревянные стены и внутренние перегородки аппаратного и приемного отделений, потолочные перекрытия и другие конструкции здания". При таком ущербе Верховный суд РСФСР счел возбуждение уголовного дела необоснованным.

Сравнение описаний ущерба в этом деле и в деле М. Ланды, а также многие другие подробности наводят на сильное подозрение, что на факт возбуждения уголовного дела и на решение суда повлияло то, что М. Ланда – активный правозащитный деятель. В кругах инакомыслящих высказывались и более сильные подозрения о роли КГБ в этом деле.

Обращаясь к Генеральному Прокурору Р. Руденко и председателю Мособлсуда накануне кассационного разбирательства дела М. Ланды, профессор права Леон Липсон из Йельского университета телеграфировал:

”Надеюсь, что, разбирая кассационную жалобу Мальвы Ланды, Мособлсуд учтет: первое: в какой мере установленные убытки следует отнести за счет М. Ланды и в какой мере на размер убытков повлияла плохая организация работы пожарной охраны во время тушения пожара. Второе: подтверждено ли достаточными доказательствами определение денежной суммы причиненных убытков. Третье: соответствует ли приговор обычной судебной практике в сравнении с делом Кузьмина и Павлова, Бюллетень Верховного суда 1966-3, где по описанию был нанесен гораздо больший материальный ущерб, чем в деле Ланды, хотя сумма, указанная здесь, большая. Четвертое: не повлияли ли на приговор другие действия Ланды, ничего общего с этим делом не имеющие. С почтением”.

Согласно недавним сведениям, М. Ланда направлена для отбывания ссылки в Восточную Сибирь.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПОДРАБИНЕКА

14 марта этого года сотрудники московского КГБ провели обыск на квартире Елены Бобровиц, где в это время находился и я.

На обыске были изъяты документы, а также рукопись ”Карательная медицина” и другие материалы.

Практика насильственного помещения инакомыслящих в психиатрические больницы получила в Советском Союзе невиданное распространение. Возникла настоятельная необходимость обобщить материалы по применению репрессивной психиатрии. Этой работе я посвятил последние три года, в результате чего и появилась рукопись ”Карательная медицина”. В ней была предпринята попытка отразить юридические, медицинские, социологические, исторические и некоторые другие аспекты проблемы. И вот теперь, когда рукопись была готова и перепечатывалась мною начисто, она была изъята органами КГБ, которые уже давно, по-видимому, следили за этой работой. Вместе с ней были изъяты картотека на двести с лишним политзаключенных спецпсихбольниц, их фотографии, воспоминания, заявления, документы и типографские бланки Комиссии, пишущая машинка Елены Бобровиц.

Людям старшего поколения методы, применяемые КГБ (в том числе и в отношении меня), напоминают времена сталинского террора. Обыск начался в полночь и продолжался пять часов с половиной. Приставленные агенты КГБ ходят за мной по пятам, не оставляя ни на минуту, угрожают арестом и физической расправой. Мои друзья получают анонимные телефонные звонки, содержащие угрозы и требования прекратить поддерживать со мной дружеские отношения.

Однако атмосфера организованной травли, направленная против работы Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, против моей деятельности в ней и личных выступлений в защиту против психиатрического террора, свидетельствует скорее о моральной слабости и беспомощности КГБ перед открытым словом, не подчиненным рамкам правительственной цензуры.

А.П. Подрабинек

Электросталь Московской области,
ул. Мира 6, кв. 47

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ХУДОЖНИКАМ

13 декабря в Ленинграде состоялся суд над художником Вадимом Филимоновым.

Обвинение: хулиганство.

Приговор: полтора года лишения свободы.

При аресте у него было найдено письмо в ЦК КПСС, под которым он собирал подписи. Письмо это содержало предложение поставить памятники жертвам сталинского режима.

В мае этого года в том же Ленинграде художники хотели организовать выставку на открытом воздухе.

Результат: несколько художников были обвинены в хулиганстве и отбывали по 15 суток ареста.

А 15 сентября 1974 г., когда против художников были брошены бульдозеры, хулиганами были объявлены опять-таки художники.

Что же произошло сейчас? Почему, когда жена Филимонова обратилась с просьбой подписать письмо в защиту ее мужа, большинство художников отказалось?

После 15 сентября 1974 г. власти были вынуждены пойти на уступки художникам, и только благодаря этому состоялась единственная свободная выставка в нашей стране: 29 сентября, в парке Измайлово. Но уже тогда было сказано, что свободных выставок больше не будет. Заявление это подкреплялось судами, угрозами со стороны милиции и военкоматов, психиатрическими больницами и увольнениями с работы. В то же время художникам сулили мастерские, заграничные поездки, покупку картин.

Как же можно в данном случае охарактеризовать поведение властей? Очень просто: это древняя как мир, но позорная для современного государства политика кнута и пряника! Политика, которая может подавить, но которая развращает душу художника и калечит его творчество! Вспомним, не так ли было задушено прогрессивное искусство в нашей стране в начале века?

В настоящее время в Москве и Ленинграде организован профсоюз живописцев, чьи функции несовместимы с функциями профсоюзной организации как таковой. Художников прину-

ждают подчиниться самой жесткой цензуре, при которой запрещается выставлять отдельных художников, если их поведение не соответствует настроению начальства; запрещено большинство работ концептуалистов, запрещается большинство картин религиозного содержания, запрещаются картины с текстами (нужно разрешение Главлита), запрещена социальная и политическая тематика (за исключением признаваемой)! Даже большинство картин с обнаженными телами, оказывается, нельзя показать народу!

Эта так называемая профсоюзная организация, прикрываясь фамилиями некоторых художников, в самом начале своей деятельности занимается ничем иным, как идеологической диверсией, направленной против искусства нашей страны! Председатель профсоюза в Москве Владимир Ащеулов публично заявляет, что он одновременно является сотрудником КГБ. Некоторое время назад председателем ВЦСПС был бывший министр КГБ. Председателя ВЦСПС сняли, но более мелкие председатели остались!

Так не настало ли время художникам задуматься, кто на самом деле руководит и направляет их творчество и происходит ли на деле освобождение искусства в нашей стране?

Оскар Рабин, Александр Рабин, Валентина Кропивницкая, Надежда Эльская, Владимир Овчинников, Юрий Жарких, Иосиф Киблицкий.

Письмо поддерживают: *Феликс Серебров, Вячеслав Бахмин, Леонид Пинский, Владимир Корнилов,*

Петр Григоренко: Запретить свободу творчества художника — это все равно, что лишить людей права видеть жизнь такой, какой она им представляется...

Юрий Орлов: Свободному художнику необходимо осуществлять те задачи, которые ставит перед ним окружающая действительность...

Декабрь 1976 года, Москва.

ЮРИЙ ОРЛОВ О СЕКРЕТНОСТИ

Предложение

о международной конференции по рассекречиванию информации

Я предлагаю западным правительствам разработать — в общих чертах — в период подготовки к Белграду проект *международной конференции по рассекречиванию информации*.

Это было бы хорошим развитием Хельсинкских соглашений, причем в одном из ключевых направлений.

Целью конференции должно быть заключение международного соглашения *о допустимом уровне засекречивания* информации. Одновременно следовало бы договориться о следующей конференции, имея в виду поэтапное сокращение объема информации, допускаемой к засекречиванию.

Я думаю, что на *первом* этапе следовало бы запретить засекречивание следующей информации:

- 1) о стихийных бедствиях;
- 2) об эпидемиях и распространенности заболеваний;
- 3) о статистике преступности;
- 4) об условиях материальной жизни людей — обеспеченность продуктами питания, одеждой, жилищами и т.д.;
- 5) об уровне и характере нарушений международных обязательств по правам человека.

Учитывая опыт преследований свободной информации в Советском Союзе, следовало бы оговорить при этом право лиц на публикацию информации в дискуссионном порядке, без уголовного преследования за ошибки в информации, относящейся к согласованному перечню свободной (незасекречиваемой) информации. Должно быть оговорено, что наказанием для недобросовестного источника информации служит потеря доверия к нему.

Я думаю даже, что этот последний принцип, в применении к пункту 5), мог бы быть зафиксирован уже в Белграде.

Это предложение является развитием идеи проф. Наума Меймана о необходимости международного соглашения, определяющего допустимый уровень засекречивания научной информации.

Руководитель Группы содействия
выполнению Хельсинкских соглашений
в СССР —

Юрий Орлов

8.11.77 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ Т. ХОДОРОВИЧ И М. ЛАНДЫ

*Александру Солженицыну
Александру Гинзбургу*

*УЧАСТНИКАМ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА В
СССР*

*ИСКРЕННЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ И ГЛУБОКАЯ
ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ*

5 февраля мы приняли на себя трудную, но почетную и крайне необходимую обязанность – взять распределение средств вашего Фонда.

Человек хочет есть каждый день. Поэтому мы приступили к ней немедленно, в горькую для нас минуту – в минуту ареста Александра Гинзбурга – человека высочайшей честности, справедливости и разумности. Глубокий поклон ему от нас за ту, с к а з о ч н у ю в условиях нашей жизни, четкость ведения дел Фонда, которую мы обнаружили, непосредственно приступая к своей работе. Глубокий поклон ему за справедливое и разумное распределение средств вверенного ему Фонда.

Лишь начав это многотрудное дело, мы поняли воистину колоссальное значение существования Общественного фонда помощи преследуемым и заточенным, их нуждающимся и гонимым семьям, их плачущим детям.

Именно поэтому мы, живущие в государстве, где запрещено и сознательно выкорчевывается милосердие к узникам, решили исполнить свой первейший долг – поблагодарить все тех, кто принимал и принимает участие в организации Общественного фонда и в его исполнении. Примите от нас простую человеческую благодарность. Спасибо. Спаси вас Бог.

Кроме поддержки жизни и здоровья ”политических преступников”, их страдающих матерей, жен и детей, Фонд в нашей стране необходим еще по двум о с н о в н ы м причинам.

Первая и о с н о в н а я. Моральная поддержка узникам, сокрытым от всего мира.

В беседах с освободившимися заключенными часто приходится слышать: *самое страшное* — это ощущение, что тебя забыли.

Подчеркиваем: *самое страшное* — не помнят, з а б ы л и, о д и н. Значит, Фонд избавляет советских узников от с а м о г о страшного, от чувства одиночества, заброшенности. От этого же ощущения заброшенности Фонд спасает и семьи заключенных. Ощутимое присутствие Общественного фонда вселяет надежду в сердца отцов и матерей, что их дети будут жить и расти, что бы ни случилось с их родителями, ибо о них знают и п о м н я т.

Вторая и тоже о с н о в н а я. В 60-х годах с проявлением открытого противостояния властям у людей нашей страны (непосредственно на участвующих в противостоянии) появилось робкое желание хоть как-то помочь тем другим, идущим "на плаху". Так появился росток Общественного фонда внутри страны.

Страшен у нас закон содержания людей в "местах заключения". По этому закону человек лишен возможности воспользоваться милосердием, а люди — проявить его. Нарушителя поджидает жестокая кара...

Однако с ухудшением внутренней ситуации он стал увядать и у в я л бы он, пожалуй, если бы не Фонд, учрежденный вне нашего государства. Вначале, правда, возникла точка зрения, что появление денег из-за границы испугает наших соотечественников и они отшатнутся от начатого ими доброго дела.

Но это была неверная точка зрения. Добро обязательно порождает добро, а не уничтожает его. Милосердие, которое с таким рвением искоренялось нашими властями, вновь пробудилось и побороло страх: Общественный фонд стал пополняться средствами и наших сограждан.

И это вторая о с н о в н а я заслуга Общественного фонда: пробуждение м и л о с е р д и я и уменьшение с т р а х а.

Именно за это огромное спасибо всем людям доброй воли, бескорыстно приносящим свои пожертвования на священный Алтарь Милосердия и Добра, питающих нас и наших сограждан.

Пусть же М и л о с е р д и е и Д о б р о будут теми началами, которые помогут людям всего мира прийти к с о г л а с и ю, спасут их от войн и террора!

5 апреля 1977 года

Татьяна Ходорович
Мальва Ланда

Андрей Сахаров

**ИЗ ИНТЕРВЬЮ ШВЕДСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ
(4 апреля 1977 г.)**

Каково положение в борьбе за права человека в СССР и странах Восточной Европы — трудности и возможности?

Положение чрезвычайно драматическое. Традиционные нарушения основных гражданских и социальных прав, затрагивающие самые широкие слои населения, продолжают, несмотря на принятые правительствами наших стран недвусмысленные обязательства в отношении прав человека, в том числе и международные. Эти обязательства явились юридической основой для возникновения новых форм борьбы в едином движении за права человека в СССР и странах Восточной Европы — я думаю, что сейчас есть основания, хотя и не формальные, для употребления термина "единое движение". Очень важным положительным фактором явилось усиление международного внимания к проблеме прав человека, к конкретным фактам их нарушений. Но параллельно появились признаки все большей активности репрессивных органов, тех кругов, которые неспособны к открытой честной дискуссии. В прессе СССР и стран Восточной Европы началась интенсивная клеветническая кампания против всех, кто выступает в этих странах за права человека, — Группы "Хартия-77", Комитета защиты рабочих, Группы "Хельсинки" и других. Новым и важным фактором является то, что эта кампания поддержана или санкционирована выступлениями руководящих деятелей этих стран, что говорит о государственном направлении этой кампании. Одновременно с кампанией в прессе усилились репрессии. В СССР в феврале - марте арестованы пять членов Группы "Хельсинки" — Орлов, Гинзбург, Руденко, Тихий, Щаранский. Защитить их (а есть опасения, что они будут наказаны крайне жестоко) — долг всех честных людей во всем мире —

ученых и деятелей культуры, участвующих в контактах с нашей страной, рабочих, государственных деятелей. Я призываю к самым активным действиям. Я не могу также не сказать об опасности усиления подпольной, уголовно-мафиозной деятельности репрессивных органов. Сейчас мы все переживаем критический период, исход которого важен не только для наших стран, для судьбы инакомыслящих, но и для всего мира, для всего стиля международных отношений.

Какие перспективы дает Белградская конференция?

Я не знаю ее регламента. Но я надеюсь, что все страны-участницы будут добиваться на деле, а не на бумаге соблюдения всех статей Хельсинкского Акта, включая гуманитарные.

Как совпадает борьба за права человека с другими движениями в обществе — молодежными, национальными и другими?

Самостоятельные движения в тоталитарном обществе не могут быть вне рамок борьбы за права человека. Органической частью движения за права человека в нашей стране являются борьба за право эмиграции (евреи, немцы и др.), движение за право жить в Крыму (крымские татары), движение за сохранение национальных культур почти во всех республиках, религиозные движения.

Думаете ли Вы, что движение за права человека приведет к смягчению системы?

Я не хотел бы оценивать действия тех, кто ведет эту борьбу, в прагматических терминах. Просто мы не можем иначе. Но я считаю, что открытые выступления в защиту прав человека, которые становятся широко известными миллионам людей благодаря передачам зарубежного радио, — создают психологические предпосылки для внутреннего раскрепощения людей и тем самым — для крайне необходимых демократических изменений в стране в будущем.

Какие сейчас возможности для Вас продолжения борьбы за права человека, или Вы видите больше трудностей?

Единственный способ моей общественной деятельности и ее возможность — это гласность. Она постоянно затрудняется отсутствием международных телефонных разговоров и почтовой связи. Трудности все возрастают. В заключении и ссылке близкие друзья. Нарастающее давление на меня и мою семью, жизнь которой уже поставлена на грань человеческого существования. Не так давно меня вызывал зам. Ген. Прокурора СССР Гусев или я сопровождал на допрос своего зятя, а сегодня я беседую с Вами — вот мои трудности и мои возможности.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ 4 АПРЕЛЯ 1977 г.

Дамы и господа!

Сегодня нас пригласили:

1. Христианский комитет защиты прав верующих и
2. Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Конкретный случай попрапия в с е х человеческих прав вынудил эти организации объединить свои усилия для оказания возможно более эффективной помощи семье, которая попала в огромнейшую беду. Но об этом расскажут представители этих организаций и пострадавшая семья. Я же остановлюсь на некоторых общих вопросах.

Недавно мы с женой выступили против явных попыток властей и органов пропаганды возродить сталинские методы подавления свободной мысли. С тех пор положение изменилось к худшему. В общую кампанию ошельмования участников правозащитного движения включился сам Генеральный Секретарь ЦК КПСС. От его заявления по этому поводу на 16-м съезде профсоюзов повеяло жуткими сталинскими застенками.

Это заявление вызвало новый пароксизм злобной клеветы на правозащитное движение в советской печати и усиление противоправных репрессий властей. О последнем свидетельствует, в частности, отсутствие на сегодняшней пресс-конференции одного из главных ее организаторов Александра Подрабиника. Он вчера случайно присутствовал при разгоне милицией молитвенного собрания евангельских христиан-баптистов и указал милиции на незаконность ее действий. За это и арестован. Подробней мы расскажем об этом случае несколько позже. А сейчас о клевете в печати.

Мы, как известно, лишены возможности опровергать возводимую на нас клевету, но очевидная лживость выдвигаемых обвинений ясна и без этого. Пишут о нас, как о шпионах и аген-

тах западных антисоветских центров, а люди продолжают тем временем оставаться на свободе. Что это? Предупреждение шпионам, чтобы они скрыться успели? Или же другое, более естественное? Возбудить вражду в народе против диссидентов и запугать последних: не прекратите правозащитную деятельность, расправимся, как со шпионами.

Утверждают, что диссиденты — "отщепенцы", "ничтожная группа людей, которые никого и ничего не представляют", что они совершенно не опасны для "советского строя". Возникает вопрос: зачем же расправляются столь беспощадно с этими "не представляющими опасности"? Вот последний Указ Президиума Верховного Совета СССР "О внесении изменений в уголовное законодательство Союза ССР" от 8 февраля 1977 г., которым расширен контингент лиц, отбывающих уголовное наказание, коим предоставлено право на условно-досрочное освобождение или на замену более мягким наказанием после отбытия определенной части назначенного срока лишения свободы. Теперь такое право предоставлено бандитам, насильникам, грабителям, фальшивомонетчикам, распространителям наркотиков и прочим "социально близким". Не имеют права на это только те, кого судят по "диссидентским статьям", в том числе и по 70-й статье. Вот вам и "неопасные"!

Утверждается далее, что "ничтожная кучка "отщепенцев" или, как выражается "Правда", "людишек" влачит свое существование только потому, что "западные пропагандистские центры" раздувают шумиху вокруг них, пытаются выдать их за "оппозицию", которой, как известно, "в СССР нет". Здесь ложь двойная или даже тройная.

Диссиденты, конечно, нуждаются в средствах информации. И поскольку воспользоваться таковыми внутри страны невозможно, приходится обращаться на Запад, к тем, кто соглашается распространять *нашу информацию*, а не какие-то выдуманные в недрах КГБ "шпионские" или "клеветнические" материалы. Но мы не ограничиваемся информацией через Запад. Даже в наших невыносимых условиях ведется огромная издательская деятельность (неподцензурная) внутри страны. Всем известен бесмертный московский "Самиздат" и его периодический орган "Хроника текущих событий". Опыт московского "Самиздата" распространяется. Появился "Самиздат" в Ленинграде, Киеве,

Тбилиси и ряде других городов. Большую издательскую деятельность ведут христиане — католики, баптисты, адвентисты 7-го дня. По примеру московской "Хроники" появились и другие периодические издания: грузинская "Хроника", "Хроника Литовской Католической Церкви", "Бюллетень родственников узников ЕХБ" и даже типографский "Вестник истины".

Защищают диссиденты свое движение тоже, прежде всего, сами. И способ защиты по существу е д и н с т в е н н ы й — *Стойкость, Мужество, Жертвенность, Бескомпромиссность в отстаивании прав человека*. Мир долгое время знал только наших ВЕЛИКИХ ДИССИДЕНТОВ — А. Сахарова и А. Солженицына. Но вот появились рядовые, только-только выбравшиеся из лагерей, тюрем, спецпсихбольниц. Я имею в виду, прежде всего, А. Амальрика, В. Буковского, Л. Плюща. И, показывая на них, мы можем сказать с гордостью — *таких у нас тысячи*. Они, кто в заключении, кто пока что на свободе, своей волей, умом и мужеством хранят и развивают правозащитное движение. Нам нужно, естественно, очень нужно распространение информации о наших делах и заботах, поэтому мы очень благодарны всем, кто помогает нам в этом, но сила нашего движения в людях, его составляющих, в их действительных связях с народом и его нуждами.

Ну, а теперь об ОППОЗИЦИИ. Мы никогда не утверждали, что диссиденты представляют собой политическую оппозицию. Наше движение правозащитное и в политическом смысле совершенно не организованное. А без политической организации нет и политической оппозиции. Но значит ли это, что в СССР вообще нет оппозиции, как утверждают руководители Советского Союза? Нет, не значит! О П П О З И Ц И Я В СССР Е С Т Ъ !! И весьма ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ, но в силу условий общественной жизни в СССР открыто себя не проявляет. Политическая ОППОЗИЦИЯ в СССР — ЛАТЕНТНАЯ. Самое большее, на что она способна сегодня, так это — питать правозащитное движение людьми и информацией и обогащать героями и мучениками тюрьмы, лагеря, специальные и обычные психиатрические больницы. И все же ОППОЗИЦИЯ эта — *грозная сила*. И горе тем политическим руководителям, которые силу эту недооценят. Попробую кратко ее охарактеризовать.

Три миллиона советских немцев не могут удовлетвориться тем, что их лишили национальной территории, национальных школ, национальной печати, национальной культуры. Они никогда не смирятся с тем, что их поставили в положение насильственной ассимиляции, фактического геноцида. В аналогичном положении находится МИЛЛИОННЫЙ крымско-татарский народ и ПОЛМИЛЛИОНА месхов. Эти народы борются за свои права и сегодня. И не надо много ума, чтобы понять, что в массах постепенно зреет гнев.

А евреи! Вряд ли они смогут оправдать то, что в период становления еврейского государства их лишили права на свободную эмиграцию. И культивирование зоологического антисемитизма (под маской борьбы с сионизмом) тоже вряд ли способствует снижению оппозиционности...

НОВЫЕ АРЕСТЫ ЧЛЕНОВ ХЕЛЬСИНКСКИХ ГРУПП ИНСИДУИРОВАННЫЕ ОБВИНЕНИЯ В ШПИОНАЖЕ

23 апреля в Киеве арестованы Микола Матусевич и Мирослав Маринович, молодые члены Украинской группы содействия. В тот же день были обыски на квартирах их родственников в разных городах и селах Украины. Одновременно в Киеве проведены обыски у Михалицы Коцюбинской, Евгена Обертаса, Антоненко-Давидовича и других. У 76-летнего Антоненко-Давидовича, писателя, бывшего узника сталинских тюрем и лагерей, обыск продолжался 17 часов. Все подвергнутые обыскам подверглись также и допросам. По характеру последних можно предположить, что арестованные обвиняются в так называемой "антисоветской агитации и пропаганде".

* * *

20 апреля в Литве арестован Балис Гаяускас. Большую часть своей жизни — 26 лет — он отбыл в заключении за участие в национально-освободительном движении в Литве. Последние три года находился на свободе, принимал участие в правозащитном движении, подвергался обыскам и допросам. И в заключении, и после освобождения Балис Гаяускас проявил себя как честный, отзывчивый и справедливый человек. 20 апреля он был вызван из Каунаса в Вильнюс на допрос, обратно не вернулся. Ему предъявлено обвинение по статье "антисоветская агитация и пропаганда", часть 2 (рецидивист).

* * *

Ранее, с февраля по апрель, были арестованы семь участников групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

В Москве: Юрий Орлов, руководитель Группы; Александр Гинзбург, активный участник Группы, распорядитель основанного Солженицыным общественного Фонда помощи политзаключенным в СССР; Анатолий Щаранский, активный участник Группы, активный деятель еврейского движения за право на

эмиграцию (подвергавшийся за это различным преследованиям, в том числе многократным краткосрочным — 15 суток — арестам).

На Украине: Микола Руденко (Киев), руководитель Украинской группы, инвалид войны; Олекса Тихий (Донецкая область), бывший политзаключенный.

В Грузии (Тбилиси): Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава; третий член Грузинской группы, Рцхиладзе, был арестован и через несколько дней освобожден, с него взята подписка о невыезде.

До и после арестов — обыски и допросы широкого круга лиц. На нескольких обысках подброшены порочащие материалы, в частности иностранная валюта (Гинзбургу, Руденко), хранение которой, по законам СССР, — тяжкое уголовное преступление. Помимо литературы, машинописных и рукописных текстов, личных писем, почтовых квитанций, магнитофонных записей, фото- и кинопленок и т. д., изъяты материальные ценности: кроме обычно изымаемых пишущих машинок изъяты радиоприемники, магнитолы, магнитофоны, фотоаппараты, шерстяная (махеровая) пряжа и др. Изъяты деньги (советские денежные знаки); семье Александра Гинзбурга оставлено 30 копеек, семье Юрия Мнуха — 26 рублей, жене Юрия Орлова на обыске, проведенном через месяц после его ареста, оставлено 100 рублей. На обыске в особняке Звиада Гамсахурдиа изъята коллекция оружия, оставшаяся от отца, известного грузинского писателя Константина Гамсахурдиа.

На многочисленных, допросах, проведенных в последние месяцы на Украине, допрашиваемым заявляли, что Тихий и Руденко — занимались шпионажем, что члены Украинской группы связаны с москвичами — участниками борьбы за права человека (в частности, назывался академик Сахаров), которые в свою очередь связаны с зарубежными антисоветскими организациями и разведывательными центрами.

* * *

Обыски и допросы не прекращаются. В г. Таруса (Калужская область) подверглись обыскам и допросам бывшие политзаключенные Нина Строкатова и Кронид Любарский. В Москве недавно вызывались на допросы известные участники правозащитно-

гс движения – Валентин Турчин, Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович (15 апреля – обыск, 25 – допрос).

Многим, лишенным работы по политическим мотивам и вынужденно не работающим, угрожают уголовными преследованиями за так называемый "паразитический образ жизни" или "тунеядство". В 20-х числах апреля вызван в московское отделение милиции и предупрежден об уголовной ответственности за "тунеядство" и участник Группы Юрий Мнюх (кандидат физико-математических наук, написана докторская диссертация, опубликовано около 50 научных работ). Предупреждение сделано и жене Юрия Орлова. Около 2-х месяцев назад арестован по обвинению в тунеядстве активный участник еврейского эмиграционного движения Иосиф Бегун (кандидат наук), в первых числах мая состоится суд...

То один, то другой участник правозащитного движения получает официальное предостережение – от органов советской власти и от органов госбезопасности. Недавно такое предостережение сделано Юрию Гастеву (специалист по математической логике) в райисполкоме: если он не прекратит "враждебную деятельность", то... Неоднократно, очевидно, с этой же целью, вызывали в райисполком Татьяну Ходорович; последний раз 28 апреля. 27 апреля в КГБ Вадиму Борисову (историк) было объявлено, что, если он не прекратит "антиобщественную деятельность", трое его малолетних детей останутся в течение 5 лет без отца. "Антиобщественная деятельность" В. Борисова: его статьи, опубликованные за границей, и подписанные им заявления – в том числе в защиту арестованных А. Гинзбурга, Ю. Орлова, А.Шаранского, которые, по словам офицеров КГБ, "наносит вред" советскому государству. 27-28 апреля член Литовской группы Эйтан Финкельштейн и его жена были вызваны в КГБ (Вильнюс), где их предупредили, что если они не прекратят свою деятельность, то будут арестованы по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде". (Жена Эйтана даже не член Группы.)

* * *

В последние месяцы советские органы пропаганды ведут широкую кампанию опорочивания участников борьбы за права человека в СССР в нашей стране и за рубежом: лекции и беседы,

публикации в советской прессе и в издающихся в СССР газетах для эмигрантов, сообщения ТАСС для Запада.

Аресту Александра Гинзбурга и Юрия Орлова предшествовала, в частности, опубликованная в "Литературной газете" (23 января) подлая статья бывшего политзаключенного А. Петрова-Агатова, где, наряду с серией сплетен, изображавших Гинзбурга и Орлова аморальными, корыстолюбивыми, нечестными и т. д., пишется, что Гинзбург – занимался обменом иностранной валюты на советскую (по законам СССР, это тяжкое преступление).

Об арестах Гинзбурга, Орлова и Щаранского в советской прессе и по советскому радио не сообщалось; в сообщениях ТАСС для Запада Гинзбургу приписываются "валютные операции", "скупка икон" и т. д., Орлов назван "клеветником"...

За 10 дней до ареста Анатолия Щаранского в "Известиях" (4 марта) появилась статья – заведомо ложный донос С. Липавского, бывшего деятеля еврейского эмиграционного движения: Щаранский и ряд других лиц обвиняются в подрывной деятельности и в шпионаже. Щаранский, по терминологии "Известий", "был введен" в состав "возглавляемой небезызвестным Ю. Орловым так называемой группы по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений".

22 апреля ТАСС сделано сообщение для заграницы, повторяющее опубликованный "Известиями" донос С. Липавского: "Щаранский получил задание... организовать сбор информации о советских учреждениях и предприятиях, работающих для обороны. Вопрос о помощи агентам ЦРУ в получении засекреченной информации научно-технического военного характера и политического характера всегда стоял и стоит на повестке дня той группы, членом которой был Щаранский".

Инсинуированные обвинения, заявленные советскими органами массовой информации, соответствуют, в частности, статье 64 УК РСФСР ("измена родине"), предусматривающей лишение свободы до 15 лет и даже расстрел.

Арестованные члены групп содействия находятся в следственных тюрьмах КГБ – в Москве (Орлов, Щаранский), в Калуге (Гинзбург), в Донецке (Руденко, Тихий и, по-видимому, Матусевич и Маринович), в Тбилиси (Гамсахурдиа, Костава). В

полной изоляции. Следственные органы до сих пор не сообщают родным, по каким статьям Уголовного кодекса или в каких преступлениях они обвиняются.

* * *

Образовавшаяся в Москве в мае 76 года по инициативе ее будущих участников Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, руководимая Юрием Орловым, ставит своей целью и осуществляет сбор и открытую передачу информации о выполнении (невыполнении) *гуманитарных* статей Заключительного Акта Совещания в Хельсинки. В поле зрения Группы находились и находятся: проблемы преследований за убеждения, в том числе за религиозные убеждения; проблема жестокого, бесчеловечного содержания осужденных в "исправительно-трудовых учреждениях", в первую очередь условия, в которых находятся узники совести; проблема незаконных препятствий, чинимых эмиграции, и другие гражданские проблемы, проблемы человечности и милосердия. Аналогичные цели поставили перед собой образованные по инициативе их участников летом-осенью 1976 г. Группы содействия на Украине, в Грузии, в Литве.

Эти проблемы официально не объявлены секретными, и передача соответствующей информации не есть разглашение государственной тайны или какое-либо иное преступление.

Однако Анатолию Щаранскому (и "группе, членом которой он был") – согласно советской пропаганде – вменяется также сбор и передача "агентам ЦРУ" и т. п. некоей секретной информации "научно-технического военного характера".

Абсурдность этого обвинения прослеживается, в частности, в случае Щаранского. Четыре года его, несмотря на просьбы и требования, не выпускали из СССР, мотивируя это тем, что, как бывший студент Физико-технологического института, он обладает какими-то тайнами. В то же время, вынужденно оставаясь в стране, он – если поверить этим обвинениям – собирает новые секреты и именно последние (а вовсе не студенческие тайны) передает, не выезжая за рубеж, непосредственно ЦРУ.

Шпионаж, валютные операции, хранение оружия и т. д. и т. п., а также клевета, а также аморальное поведение, низменные инстинкты и недостойные мотивы – с помощью этого набора охра-

нители советского государственного и общественного строя пытаются дискредитировать переданную и передаваемую информацию о нарушениях, о несоблюдении прав человека в СССР. Используя инсинуированные обвинения и террор, они намерены искоренить саму идею прав человека в нашей стране и ее носителей.

1 мая 1977 г.

О ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЕ
(Заявление для Комиссии конгресса по безопасности и
сотрудничеству в Европе, Вашингтон)

Пошел второй год существования Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Я хочу рассказать о механизме работы Группы, сложившемся за этот срок, а именно — как и от какого контингента людей Группа получала информацию о нарушениях прав человека в СССР, как она обеспечивала надежность используемой информации и как эта информация передавалась.

Сначала несколько общих замечаний.

Группа является органическим порождением движения за права человека в СССР, началом которого (до некоторой степени условно) можно считать события, вызванные арестом Синявского и Даниэля и судом над ними, т. е. 1965 г.

Все члены Хельсинкской группы — участники этого движения, которое является нравственным, а не политическим. Оно состоит из людей с разными политическими убеждениями, от социалистов до монархистов, но всех их объединяет уверенность, что для развития общества необходимо действительное осуществление элементарных человеческих и гражданских прав, и принципиальное отрицание и осуждение насильственных методов борьбы.

Эта характеристика распространяется и на Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Успеху работы Группы, по общему убеждению ее членов, способствовали два обстоятельства.

Во-первых, тот факт, что Заключительный Акт Хельсинкских соглашений, включая статьи, касающиеся прав человека, был опубликован в советских газетах и благодаря этому стал известен всем, кто их читает, т. е. весьма широко, и, во-вторых, тот факт, что сообщение об образовании Группы — с указанием ее целей и фамилий участников — было передано 4 зарубежными наиболее

популярными радиостанциями, работающими на Советский Союз: Свободой, Голосом Америки, Би-Би-Си и Немецкой волной. Передачи этих радиостанций, по подсчетам руководителя Группы профессора Юрия Орлова, слушает 1/5 часть взрослого населения Советского Союза, и поэтому с самого момента возникновения Группы она стала широко известна, что обеспечило ей поток информации из разных частей Советского Союза и от представителей разных социальных слоев.

В сообщении о создании Группы указывалось, что мы намерены добиваться действительного выполнения советскими властями статей Заключительного Акта, касающихся прав человека, для чего будем собирать информацию о нарушениях этих статей и сообщать ее правительствам стран, подписавшим Хельсинкские соглашения, в том числе советскому правительству, а также общественности всех этих стран.

Группа была названа Группой *содействия* выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, чем подчеркивалась ее лояльность по отношению к правительству и воля ее членов к сотрудничеству с властями при добросовестном выполнении ими подписанных в Хельсинки обязательств по правам человека.

Мы обратились к общественности стран-участниц Хельсинкского совещания с призывом создавать аналогичные группы в своих странах, так как исходили из того, что нарушения прав граждан возможны не только в Советском Союзе.

Деятельность Группы по самой своей сути не могла не быть полностью легальной. Мы заявили о создании Группы публично на пресс-конференции иностранных корреспондентов, которым представил Группу А.Д. Сахаров. Одновременно текст сообщения о создании Группы был послан по почте в канцелярию Брежневца. В этом сообщении декларировались цели Группы и перечислялись ее участники с указанием их адресов.

За время своего существования Группа отправила около сотни заявлений, обращений, сообщений о нарушении элементарных прав советских граждан, в том числе 20 обзорных докладов.

Материал в всех этих сообщениях в какой-то мере был накоплен участниками Группы до ее создания (например, сведения о суде над М. Джемилевым, изложенные в первом документе Группы, или данные о содержании узников совести в советских лагерях

и тюрьмах — документ № 3 — были известны нам давно, как участникам правозащитного движения).

Но основной поток информации пришел к нам извне.

Иногда мы получали информацию по цепочке — от знакомого к знакомому, и эта цепочка иной раз состояла из многих звеньев. Иногда, к нашему удивлению, доходили письма по почте, содержащие соответствующие жалобы, иногда прорывались телефонные звонки из других городов (например, сообщения об обысках, арестах, помещениях в спецпсихбольницы инакомыслящих).

Кроме того, к нам приезжали с жалобами, подчас издалека, люди, которых мы называли старым русским словом — ходоки. Некоторые сообщали о нарушениях их собственных прав или прав близких людей (например, права на эмиграцию), некоторые же являлись как представители значительных групп населения (например, представители пятидесятников, которых в Советском Союзе насчитывается около 1/2 миллиона), а некоторые — представителями целых народов (крымских татар или месхов).

Поток ходоков увеличивался по мере роста известности Группы. И беседы с этими людьми занимали у нас, и особенно у Орлова, по нескольку часов в день, а иногда и весь день полностью. Они являются неожиданно, иногда в самые неурочные часы, и мало кто из них мог кратко изложить суть дела, по которому они обращаются. Попутно они пересказывают свои биографии и просят советов, подчас по вопросам, совершенно не относящимся к деятельности Группы. Эти рассказы требовали скрупулезного анализа для отделения эмоциональных наслоений и устранения неточностей. Несмотря на перегрузку, которую такое общение создает, поток ходоков — это очень отрядный факт, потому что мы воспринимаем его как показатель необходимости работы Группы для самых широких слоев советского населения.

Ходоки принадлежат к разным социальным слоям, большинство из них — рабочие, крестьяне и мелкие служащие. По заявлениям ходоков из рабочих составлен 13 документ Группы. Эти люди живут в местах, отделенных друг от друга большими расстояниями, поэтому они не знакомы между собой, но по содержанию их просьбы совпадают: они просят помочь им эмигрировать из Советского Союза в любую капиталистическую страну,

так как в Советском Союзе они не могут честным трудом содержать свои семьи, а советские профсоюзы не предоставляют возможности коллективной борьбы за улучшение условий продажи труда. В приложении к документу № 13 четыре таких заявления, но такие же заявления поступали и после его опубликования.

По заявлению ходока, присланного крестьянами села Ильинки Воронежской области, составлен документ № 9 — тоже касающийся эмиграции.

Вообще надо сказать, что помимо известных на Западе эмиграционных потоков — еврейского и немецкого — сейчас очень быстро растет поток желающих эмигрировать по экономическим и политическим причинам. Среди них представители многих народов Советского Союза, в том числе русских и украинцев. Наиболее распространенные мотивы — кроме уже названного в документе 13 — воссоединение семей, религиозные преследования, национальная дискриминация, дискриминация за убеждения.

Документ № 15 сообщает о наиболее драматических случаях отказов в воссоединении семей. Документ № 9 — об упоминавшихся уже колхозниках села Ильинки, которым отказывают в праве на эмиграцию, мотивируя это тем, что в колхозе будет некому работать. Документ № 11 — об общинах пятидесятников, члены которых (около 1 тысячи человек) хотят уехать из-за религиозных преследований. Пятидесятники — это почти сплошь крестьяне, рабочие и мелкие служащие, поскольку в течение 60 лет их детям закрыт доступ к высшему образованию, т. к. они не скрывают, что являются верующими.

Документ № 12 — о семьях украинских политзаключенных, желающих покинуть родину из-за преследований, не прекращающихся после отбытия срока, назначенного судом и распространяющегося не только на бывшего узника совести, но и на членов семьи и даже друзей.

Документ № 20 также посвящен вопросам эмиграции, и в частности праву на отказ от гражданства, что стало довольно распространенным явлением.

Таким образом, 7 документов Группы из 20 — о праве выбора места проживания, которое мы рассматриваем как одно из элементарных человеческих прав.

Такое внимание к проблеме эмиграции объясняется не повышением интереса к ней членов Группы, а тем, что поступало много жалоб и просьб о помощи именно по этому вопросу.

То же самое можно сказать и по поводу остальных наших документов. Их содержание определялось не пристрастиями членов Группы, а тем, какой материал поступал, мы же лишь выполняли функции его регистраторов и контролеров истинности переданных сведений.

Так, очень существенная часть документов Группы посвящена религиозным преследованиям, хотя из 10 членов Группы верующий только один. Но к нам обращались и баптисты, и пятидесятники, и иеговисты, и католики, и православные — и появились соответствующие документы. Жалоб на религиозные преследования было так много, что в Москве был создан отдельный от Группы Комитет верующих христиан. Все три его члена — священник Глеб Якунин, дьякон Варсонофий и Виктор Капитанчук — православные, но они защищают интересы и других христианских течений. Комитет работает в тесном контакте с Московской группой. Кроме того, материалы о религиозных преследованиях опубликовали и другие Хельсинкские группы, возникшие по образцу Московской в национальных республиках — Литовская, Украинская, Грузинская.

Документы о нарушении права национальных меньшинств на равенство перед законом были составлены по материалам, переданным представителями крымских татар и месхов*.

Поясню, каким образом члены Группы проверяли истинность поступающей в Группу информации.

Самый простой случай — когда жалобщики подтверждали сообщаемые ими факты нарушения прав граждан со стороны властей официальными документами.

Так, документ № 4 о преследованиях религиозных семей, где приводятся случаи лишения баптистов родительских прав на том основании, что они воспитывают детей в своей вере, а не в духе коммунистической морали, как полагается по советскому Закону о браке и семье, включает тексты судебных приговоров, резолюции коллективов предприятий, характеристики, выдавае-

---

* Месхи — это грузинская народность, исповедывающая ислам, находится на границе с Турцией. Оттуда месхи были депортированы советскими властями в 1944 г.

мые детям в школе. Эти подлинные документы были переданы в Группу и послужили основой документа.

Второй пример — осуждение за убеждения Владимира Павлова, шофера из Майкопа (Северный Кавказ), описанное в приложении к документу № 13. В этом случае Группа располагала текстом судебного приговора и ответа Верховного суда РСФСР на кассационную жалобу В. Павлова.

Были случаи, когда мы основывали свои утверждения о нарушениях прав человека текстами закрытых служебных инструкций. Так, в документе № 3 об условиях содержания узников совести приводятся сведения о нормах питания в советских тюрьмах и лагерях и описывается принятая там система наказаний. Фрагменты текста неопубликованных инструкций были получены нами от бывших политзаключенных, которые собрали их из ответов тюремной и лагерной администрации на жалобы политзаключенных по поводу плохого питания или наказаний, где имеются ссылки на инструкции или даже цитаты из них. Кроме того, в течение нескольких лет мы собирали свидетельства людей, отбывших срок в политических лагерях и тюрьмах, о режиме, питании, наказаниях в местах заключения, и этот массовый материал подтверждал истинность текстов инструкций, использованных нами в документе № 3.

Использованная в документе № 6 не опубликованная часть инструкции о правилах прописки политзаключенных, отбывших срок наказания, на основании которой осуществляется дискриминация в выборе места проживания внутри страны, была напечатана в "Хронике текущих событий" (выпуск № 34), и истинность текста проверена тем, что места жительства *всех* политзаключенных после отбытия срока наказания определяются именно так, как положено по этой инструкции. Неполный список людей, которым место жительства определила эта инструкция, приведен в документе № 6.

Самые трудные для нас случаи проверки истинности сведений — это когда никаких документальных подтверждений не может быть потому, что нарушение прав человека осуществлено фактически без фиксации в каких-либо официальных постановлениях, скажем, по телефонному звонку "сверху", а это очень распространенное явление у нас в стране.

В таких случаях мы проверяли устные свидетельства на месте.

Так, рассказы обратившихся в Группу пятидесятников о религиозных преследованиях проверила по поручению Группы Лидия Воронина, которая присутствует здесь и может рассказать о своей двухнедельной поездке, во время которой она побывала в нескольких общинах пятидесятников на Северном Кавказе и на Дальнем Востоке.

Я сама ездила в Литву для проверки сведений о религиозных преследованиях, поступивших от литовских католиков. Эти сведения легли потом в основу документа № 15 нашей Группы и документа № 1 Литовской группы, написанного совместно с Московской Группой.

Для примера расскажу, как проверялся материал документа № 15,

Нам сообщили, что в Вильнюсе исключены из старшего класса школы 7 мальчиков и причина исключения — посещение церковной службы и визиты в дом известного католического деятеля Литвы Виктора Пяткуса (впоследствии он стал членом Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР).

В Советском Союзе среднее образование является обязательным, и всем известно, как трудно добиться исключения из школы даже такого ученика, который фактически бросил школу, или такого, который презрел все нормы поведения в школе, а тут сразу 7 из одной школы, да к тому же на последнем году обучения.

Имея список исключенных, я отправилась на прием к министру просвещения Литовской ССР Л. Римкусу. Меня сопровождал Томас Венцлова, известный литовский диссидент, ставший впоследствии членом Литовской Хельсинкской группы.

Я сказала министру, что я — член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и меня интересуют причины исключения семерых учеников из вильнюсской школы.

Министр, видимо, не слушает передач зарубежных радиостанций и поэтому ничего не слышал о нашей Группе. Возможно, он предположил, что создана какая-то бутафорская группа и спро-

сил: "При каком учреждении она работает?" "Это общественная группа", — ответила я. "А кто руководит ею?" "Член-корреспондент Армянской Академии наук доктор Юрий Орлов".

Министр решил, что раз во главе человек столь высокого академического звания, то группа заслуживает доверия, и согласился дать объяснения. Они хулиганы, утверждал он. Но он не смог ответить на вопрос, какие именно проступки послужили причиной исключения каждого из семерых мальчиков. "Я знаю дело лишь в общих чертах", — сказал он.

"Наверное, мне смогут ответить руководители школы", — сказала я, и министр подтвердил это, подчеркнув, что в этом случае "все законно". Законно — это значит, что имеется протокол заседания педагогического совета школы, которому предоставлено право ходатайствовать об исключении перед работниками районного отдела народного образования. В протоколе должны быть описаны проступки, за которые намереваются исключить ученика, и приведены результаты голосования членов совета.

И мы отправились в школу, чтобы ознакомиться с этим документом.

Нас встретил заведующий учебной частью Добинас. "Я из Москвы, — объяснила я ему, — мы были сейчас на приеме у министра просвещения по поводу исключения из вашей школы 7 мальчиков. Он рекомендовал обратиться за разъяснениями в школу". Прежде всего я попросила показать мне протокол заседания педсовета, но, по словам завуча, его в школе не было. "Секретарь взял его домой переписать", — утверждал он, хотя с момента исключения прошло более месяца. "А нельзя ли послать за протоколом кого-нибудь?" "Нет, мне известно, что там сейчас никого нет дома".

Завуч вызвал четверых учителей и воспитателей, и я попросила каждого из них объяснить мне причины исключения. Они давали путаные и противоречивые объяснения, из которых не представлялось возможным выяснить суть дела.

Тогда я встретилась с исключенными мальчиками и несколькими их одноклассниками, и они рассказали, что в течение прошлого учебного года этих семерых учеников несколько раз вызывали через завуча с уроков — то по требованию сотрудника

КГБ старшего лейтенанта Вербицкого, то по требованию капитана милиции Семенова. Те уводили их на допросы, где всех их спрашивали примерно об одном и том же: ходят ли они в костел и слушают ли передачи радиостанции "Ватикан", а также требовали, чтобы мальчики объяснили, зачем они навещают Виктора-са Пяткуса. В милиции капитан Семенов кричал на ребят, уснащал свою речь нецензурными словами; в КГБ старший лейтенант Вербицкий был вежлив, но оба они угрожали, что, если мальчики не дадут компрометирующих показаний на Пяткуса, в институт им не поступить, а одного из них — Богушеса — даже пугали детской колонией.

Мальчики отказывались дать лжесвидетельства и заявили, что не перестанут посещать церковь.

Когда после летних каникул они появились в школе, им было объяснено, что они исключены, но ни они, ни их родители не могли добиться, чтобы им показали решение педагогического совета школы.

На основании всех этих бесед был составлен документ № 15, в котором было сказано: "Есть основания полагать, что исключение было произведено по указанию органов госбезопасности".

В заключение расскажу, как Группа рассылала свои документы.

Сначала мы делали на пишущей машинке (других средств размножения своих материалов мы не имели) 35 экземпляров каждого документа и посылали их по почте заказными письмами с уведомлением о вручении: 1 экземпляр в канцелярию Л. Брежнева, а остальные — в соответствующие посольства в Москве. Так разослали мы шесть своих документов. Но получили только 6 уведомлений о вручении — из канцелярии Брежнева. Остальные конверты (34 x 6 = 204) не дошли по назначению. Тогда мы перестали пользоваться советской почтой для рассылки в посольства, а стали искать возможностей передать наши материалы через людей, имеющих доступ к послам государств, участвовавших в Хельсинкском соглашении. Нам удалось передать свои документы правительству Соединенных Штатов, Великобритании, Канады и ФРГ не по почте, что не возбраняется советским законом. Кроме того, мы посылали их (тоже не по советской почте) в общественные организации стран, подписавших Хельсинкские соглашения: в "Международную Амнистию" —

сведения об арестах и помещениях в спецпсихбольницы за убеждения, об условиях содержания узников совести; во Всемирный Совет Церквей – материалы о религиозных преследованиях; в еврейские организации – документы еврейского движения за выезд в Израиль и т. д.

В течение последних четырех месяцев были арестованы 7 членов Хельсинкских групп: в Москве – Юрий Орлов, Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский, в Киеве – Микола Руденко и Алекса Тихий, в Грузии – Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава. Ни нам, ни родственникам до сих пор не известно, какие им представлены обвинения. Но есть основания полагать, что советские власти, не решаясь в нынешней международной обстановке судить их откровенно за деятельность в Хельсинкских группах, постараются сфальсифицировать уголовные обвинения. Об этом свидетельствует характер обысков, предшествовавших арестам, и очернительная кампания в советской прессе.

Несмотря на аресты, Хельсинкские группы продолжают свою деятельность. В Московскую группу вошли два новых члена и один – в Украинскую. Кроме того, с января при Московской группе стала действовать Рабочая группа по борьбе с использованием психиатрии в политических целях. В апреле возникла еще одна Хельсинкская группа – в Армении.

Последний по времени документ Хельсинкских групп, попавший на Запад, датирован 4 апреля.

Таким образом, с момента создания Хельсинкских групп и до нынешнего времени их деятельность была лояльной по отношению к властям, полностью легальной и не вела к нарушению ни одного советского закона.

ОБ АКТИВИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ *

И хотя я обычно не склонен к чрезмерному оптимизму, но здесь я пришел к определенному выводу, что за последнее время движение сильно активизировалось. Это тем более удивительный вывод, если помнить, с какой настойчивостью и постоянством власти проводят репрессии против диссидентов. Только в этом году за четыре месяца были арестованы активные деятели движения А. Гинзбург, Ю. Орлов, М. Руденко, О. Тихий, А. Шаранский. И аресты — это не единственный способ притеснений — надо помнить и о внесудебной расправе.

Активизация движения теперь происходит не только по сравнению с депрессией 1972-1973 года, когда были усилены репрессии, когда проводился процесс Якира и Красина, когда даже "Хроника текущих событий" временно перестала выходить. Я думаю, об активизации можно говорить даже в сравнении с концом 60-х годов, когда, казалось бы, движение увлекало все больше и больше сочувствующих.

Особенно отраднo, что не только в СССР, но и в странах Восточной Европы усилилась активность общественных сил в защиту прав человека. Принятие Хельсинкского Акта сыграло в этом свою роль. Отраднo, что в Восточной Европе и в СССР есть общественные силы, которые стремятся не допустить, чтобы данные в Хельсинки обязательства правительств в гуманитарной области стали очередным обманом. Мы знаем, сколь активны в этом Хельсинкские группы в СССР: в Москве, на Украине, в Литве. Документы этих групп — это серьезные исследования того, как в разных областях СССР нарушает гуманитарные обязательства по Хельсинкскому Акту. По этим документам можно судить, насколько расширилась в последнее время тематика, которой занимается правозащитное движение.

В подборке этих документов наряду с традиционными для движения темами, как положение политзаключенных или выезд евреев, мы встречаем и такие проблемы, как исключение из школы учеников в Литве или экономическое положение рабочих семей. Теперешняя широта тематики движения свидетельствует о том, что все больше социальных групп вступает в контакт с

* Выступление на конференции "Права человека после Хельсинки" в Вашингтоне.

правозащитным движением — это важно, хотя не надо преувеличивать массовость таких контактов.

Более широки стали и географические контакты движения. По документам самиздата можно видеть, что часто и в отдаленной провинции у движения есть свои, пусть анонимные, корреспонденты.

Власти особенно борются с тем, чтобы симпатии к правозащитному движению не захватывали провинцию и национальные республики. В провинции репрессии против диссидентов обычно жестче. Особенно жестоки власти на Украине — доказательством этому то, что в политлагерях так много украинцев.

Более широкими стали контакты движения с национальными и религиозными меньшинствами. Известны имена активных диссидентов в Литве, Грузии, Армении. Известны также религиозные деятели разных церквей, активно занимающиеся защитой прав человека.

Что особенно показательно в последнее время — это активность в создании неконтролируемых государством ассоциаций. Это особая проблема. Больше полувека государство и партия контролировали все открытые ассоциации граждан. Тайные ассоциации, которые пытались создавать граждане, — жестоко преследовались, — даже студенческие марксистские кружки в хрущевское время. В 1969 г. была создана Инициативная группа по защите прав человека — это был важный опыт создания открытой ассоциации, но многие ее члены были арестованы. Комитет прав человека, созданный в 1970 г., был первой открытой, неконтролируемой ассоциацией со своими правилами процедуры. То, что власти не обрушили на него репрессии, объясняется, я думаю, тем, что Международная лига прав человека и Институт прав человека в Страсбурге признали его своим филиалом. Это был первый осторожный опыт, а теперь мы знаем о существовании группы "Международной Амнистии", трех Хельсинкских групп, Комиссии по исследованию злоупотреблений психиатрией, Рабочей группы по культуре, Грузинской инициативной группы и других. Властям понадобились бы широкие репрессии, чтобы подавить эту активность по созданию свободных ассоциаций; конечно, они применяют репрессии, были арестованы 5 членов Московской и Украинской Хельсинкских групп, члены

грузинской группы Гамсахурдиа и Костава, но деятельность ассоциаций продолжается.

За последние годы особенно заметно расширение связей движения с западными правозащитными организациями и деятелями. С самого начала мы знали, что западное общественное мнение поддерживает нашу нравственную борьбу за права человека. Но в первые годы у движения не было почти никаких контактов с внешним миром. Даже немногие обращения на Запад были адресованы тогда европейским коммунистическим партиям. Мы многому научились за эти годы. Мы знаем теперь, что на Западе многие хотят помочь нашему движению. Это нравственная помощь, и я уверен, она полезна не только советскому правозащитному движению, она полезна Западу тоже. Я думаю, наша борьба может напомнить Западу о важных гуманитарных ценностях, к которым на Западе иногда слишком привыкли, чтобы помнить о них.

Движение добивается гуманности в своей стране, а не ведет политической борьбы за власть. Наше движение ждет помощи ото всех людей, независимо от их политической позиции. Конечно, мы никогда не хотели, чтобы какая-то политическая группа использовала нашу нравственную борьбу для своих политических целей, независимо — будет это левая или правая группа. Но бескорыстную помощь может оказать каждый, и эта помощь важна для движения.

Деятели движения всегда были убеждены, что действуют на пользу своей стране, ибо гуманность и соблюдение гарантий прав полезны любой стране; и если теперь диссиденты обращаются к правительствам других стран содействовать тому, чтобы СССР уважал права человека, — это не значит, что движение хочет нанести вред своей стране. Раньше мы обращались в основном к правительству СССР, но советские лидеры не хотят обсуждать со своими гражданами такие проблемы. В ответ были только репрессии. Естественно, что теперь диссиденты больше рассчитывают на то, что западное общественное мнение и западные правительства окажутся требовательными в том, чтобы Советский Союз выполнял свои обязательства по международным соглашениям о правах человека.

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ПСИХИАТРИЕЙ В СССР

Злоупотребление психиатрией в политических целях в СССР имеет давнюю и непростую историю. До смерти Сталина советский режим не нуждался в прикрытии для политических репрессий. Чистки "врагов народа" демонстративно воплощали доктрину об обострении классовой борьбы по мере построения социализма. Скрывались только реальные масштабы происходящего — сама же необходимость уничтожать врага, если он "не сдастся", пропагандировалась открыто. Наличие пыток под следствием исключало возможность сопротивления жертвы путем обращения к закону. Длительные сроки заключения, повторные приговоры, голод, непосильный рабский труд и прямое уничтожение заключенных — все это делало сталинские лагеря местом, откуда человек не надеялся выйти живым. В этих обстоятельствах признание невменяемым и отправка в психиатрическую тюрьму оказывались для людей спасением, были гуманистическим проявлением тогдашней судебной психиатрии. В то время существовали всего две тюремные психиатрические больницы (в Казани и в Ленинграде), и попасть в них было счастьем. В них кормили, не заставляли работать, а принудительного лечения как такового не было.

Режим и порядки в психиатрических тюрьмах оказались более консервативными, чем вся остальная советская пенитенциарная система. Еще в 1963 г. психиатры говорили мне: "Зачем Вам давать лекарства? Вас стены лечат". Политическая же ситуация в стране менялась резко, и в 1959 г. Хрущеву уже потребовалось публично заявлять, что в Советском Союзе нет политзаключенных. Политзаключенные в это время, конечно, были, хотя и в несравненно меньшем количестве, чем при Сталине, но хватать политической репрессией Советский Союз уже не мог.

В силу этого и сама репрессия стала более дифференцированной: людей, чьи дела имели шанс стать известными, предпочитали либо судить по уголовному делу, либо признавать невменяемыми. А психиатры по инерции прежних времен нередко искренне считали, что они "спасают" людей.

Поскольку я попал в психиатрическую тюрьму в 1963 г., я застал самый момент перелома и в отношении к ним как к месту "спасения", и в составе заключенных, и в отношении психиатров к заключенным, и в постепенном введении интенсивного лечения (в то время в Ленинграде лекарства назначались главным образом в виде наказания за нарушение режима, но уже были случаи, когда людей, отказывавшихся "покаяться", подвергали интенсивной медикаментозной обработке).

Это время совпало к тому же с ростом административного влияния школы Снежневского. Ленинградская школа психиатров во главе с профессором Случевским не признавала "московскую" школу. Все диагнозы шизофрении, поставленные московской школой, пересматривались и отменялись Случевским. Поддерживаемая властью, централизованная психиатрия Снежневского вскоре захватила командные позиции в судебной психиатрии.

Умышленно ли, специально ли для политических репрессий была изобретена Снежневским его доктрина? Думаю, что нет. Просто, как по Дарвину, эта доктрина обладала селективными свойствами, делавшими ее наиболее выживаемой при отборе советскими условиями.

Анализируя ситуацию начала 60-х годов, можно отметить следующие предпосылки для превращения ряда случаев в целую систему злоупотребления психиатрией в политических целях.

1. Разоблачение сталинских методов сделало политические репрессии позором для режима. Установка на расширение контактов с внешним миром заставляла избегать этого позора.

2. Появление марксистской критики советского тоталитаризма: партийное разоблачение сталинизма породило внутри самой партии и среди молодежи оценку советского социализма как искаженного (отголоски этого встречаются и до сих пор). Возникла необходимость чистки, неосуществимой в это время.

3. В самой психиатрии и в психологии людей сохранилась иллюзия "спасения" в сумасшедшем доме, поэтому жертвы психиатрической репрессии в это время практически не оказывали сопротивления признанию их невменяемыми. Психиатры также не находили нужным оказывать сопротивление "рекомендациям" КГБ, считая, что "делают людям лучше".

4. В это же самое время начало зарождаться правозащитное движение — движение людей, апеллирующих к закону, мобилирующих легальные возможности защиты, в том числе и гласность. Это затрудняло их простое осуждение.

5. Как я уже сказал, школа Снежневского унифицировала и административно подчинила себе судебную психиатрию.

В результате всего этого психиатрический метод преследования был взят на вооружение органами репрессии. Эволюцию этого метода легко проиллюстрировать на нескольких примерах от середины 50-х до середины 60-х годов.

Сергей Петрович Писарев, старый большевик.

Работая в аппарате ЦК, в конце 1952 г. он пришел к выводу, что дело "врачей-вредителей" полностью фальсифицировано. Свой доклад о преступных методах МГБ он передал Сталину и через несколько недель был помещен в психиатрическую больницу в Ленинграде (без экспертизы и суда). Реабилитированный в 1956 году, он стал добиваться комиссии по обследованию тюремных психиатрических больниц и реабилитации своих сокамерников.

Это был 1956 год, время "оттепели" и реабилитаций, и ему удалось добиться назначения специальной комиссии в составе двух профессоров-психиатров и двух работников ЦК. Комиссия установила, что в этих учреждениях продолжают содержаться психически здоровые люди, составила об этом доклад и передала его в Политбюро. Однако Политбюро дальнейшего хода докладу не дало. При этом большинство заключенных психиатрических тюрем было освобождено оттуда под разными предлогами, но без "психиатрической реабилитации": как вылечившиеся, как перешедшие в улучшенное состояние и т.п.

Федор Федорович Шульц, тоже старый большевик.

Репрессированный при Сталине и реабилитированный в 1957 г., после заявления Хрущева об отсутствии в Советском Союзе политзаключенных он обратился с письмом в ЦК, где доказывал, что это ложь, так как он только что сидел с политзаключенными, которые, по его сведениям, продолжают оставаться в лагерях. Был арестован, объявлен невменяемым и помещен в Ленинградскую психиатрическую тюрьму, где пробыл около трех лет.

Николай Николаевич Самсонов, крупный ученый-геофизик, лауреат Сталинской премии.

В 1958 г. арестован за письмо в "Правду", в котором критиковал Хрущева за неполное разоблачение сталинизма. Признан невменяемым, отправлен в Ленинградскую психиатрическую тюрьму. Он просидел восемь лет. В первые годы его не трогали, не лечили, ничего от него не требовали. В начале 60-х годов к нему стали применять иную систему: перед каждой очередной комиссией от него требовали "покаяния", а когда он отказывался, его принимались интенсивно лечить, переводили в камеры к буйным больным. Так повторялось в течение нескольких лет. Наконец, уже будучи тяжелобольным терапевтически в результате воздействия психиатрических медикаментов, поддавшись уговорам родственников и друзей, он согласился пойти на формальный компромисс и тут же был освобожден, просидев восемь лет. Через несколько лет после освобождения он умер.

Я был арестован в 1963 году за изготовление двух фотокопий книги Джиласа "Новый класс". После ареста я сидел в одиночной камере Лубянской тюрьмы. Меня неоднократно вызывал на беседы тогдашний начальник Московского КГБ генерал Светличный и предлагал мне покаяться, рассказать, кто мне дал книгу, кто помог снимать фотокопии, — и тогда меня выпустят. Очевидная цель этих разговоров была сделать меня стукачом, заставить пойти на сотрудничество с ними. Когда из этого ничего не вышло, меня направили на экспертизу, признали невменяемым и послали в Ленинград. Своим освобождением я обязан тому, что ленинградская школа в то время еще пыталась спорить с московской и опровергать их диагнозы. В этом отношении мое положение было лучше, чем Самсонова, которого признали невменяемым сами же ленинградцы, и мне для освобождения не пришлось "каяться". В феврале 1965 г. я был освобожден.

В конце 1965 г. я был снова арестован за организацию первой правозащитной демонстрации, которая проходила в Москве 5 декабря в защиту Синявского и Даниэля и под лозунгом "Уважайте вашу Конституцию". В то время еще не было нынешней статьи 190-3 Уголовного кодекса, которая вскоре была принята специально против демонстраций. До тех пор демонстраций не было с 1927 г., и законодательство забыло предусмотреть меры наказания для демонстрантов. Вследствие этого легальные пути

преследования были закрыты. Меня просто отправили в одну из московских психиатрических больниц с расчетом подтвердить старый диагноз и затем, без нового суда и следствия, как "недолечившегося" в прошлый раз, снова отправить в Ленинград. Расчет КГБ был сорван молодыми честными врачами 13 городской больницы. Они сделали обстоятельный доклад, доказывая, что я не являюсь психически больным. Несмотря на выводы врачей, по распоряжению КГБ я был просто переведен в другую городскую больницу. В следующей больнице врачи также не нашли меня больным и настаивали на моем освобождении. И вновь по распоряжению КГБ я был переведен — уже в Институт Сербского. Но, имея обоснованные заключения двух больниц, даже Институт Сербского не решился признать меня больным. К тому же дело против меня не было возбуждено, и юридически Институт Сербского не был правомочен ставить вопрос о вменяемости или невменяемости. В это же самое время генерал Светличный, на прием к которому попала моя мать, топал ногами и кричал: "Он никогда не выйдет! Мы его сгноим в сумасшедшем доме!"

Дело приобрело гласность, стало известным на Западе благодаря выступлениям Тарсиса и активности "Эмнести Интернейшнл". В конце концов власти были вынуждены назначить нейтральную комиссию. Четыре специально присланных профессора не могли прийти к единому заключению. Два из них, представители школы Снежневского, признали меня больным. Два, противники этой школы, опровергали их диагноз. В такой ситуации я просидел восемь месяцев, шесть из них — в Институте Сербского. Не нужно думать, что велся чисто научный спор: речь шла о конформизме и неконформизме врачей, и власть еще не могла найти достаточное число конформистов для случая, получившего такую гласность.

Я был освобожден после визита представителя "Эмнести" в Москву. Он явился прямо к директору Института Сербского Морозову и заявил, что, если меня немедленно не выпустят, они начинают слушание моего дела в Расселовском трибунале. Я был тут же освобожден.

К концу 60-х годов выработалась устоявшаяся методика психиатрических репрессий. Она выработалась в сотрудничестве КГБ и психиатров, причем КГБ осуществляло роль идеологи-

ческого руководства, давая установку на признание противников режима невменяемыми, а психиатры разработали целую систему диагностического обоснования. Школа Снежневского к этому времени прочно заняла главенствующую позицию в психиатрии.

Наибольшую вероятность попасть в "невменяемые" представляли следующие категории:

1. Крупные фигуры, суд над которыми был бы неудобен в пропагандистском отношении: Григоренко, Жорес Медведев.

2. Так называемые ревизионисты, т.е. критики системы с марксистских позиций: Плющ, Яхимович, Егидес, тот же Григоренко.

3. Люди, твердо державшиеся на следствии, использовавшие легальные средства защиты, настаивавшие на своем праве не давать вообще никаких показаний: Гершуни, Николай Данилов, Горбаневская, Игрунов.

4. Верующие – в том числе и те, кто имел чисто политическое обвинение, без "религиозных статей", как Юрий Белов.

Одновременно с судебно-психиатрическими преследованиями развивался и совершенствовался административно-психиатрический метод.

К концу 60-х годов стала обычной практика профилактической госпитализации по распоряжению КГБ на период партийных съездов, государственных праздников и визитов западных глав правительств. Как правило, никаких медицинских показаний для этого не было, и Вольпин в свое время метко назвал это явление "съездомфренией".

Последнее время административно-психиатрические репрессии приобрели еще больший размах. Очень часто этот метод применяется к бывшим заключенным психиатрических тюрем: Старчик, Борисов, Пономарев, Кукобака.

В 70-е годы все чаще отправляют в психиатрические тюрьмы политзаключенных перед концом их лагерного срока. Это позволяет продлевать их заключение до бесконечности. Таковы случаи Владимира Титова, Зиновия Красивского, Юрия Белова. Юрий Белов отбыл два срока заключения в Мордовских лагерях и во Владимирской тюрьме и должен был выйти в мае 1972 г. Но против него возбудили новое, третье дело, и на этот раз его признали невменяемым и отправили в Съчевскую пси-

хиатрическую тюрьму. Только в прошлом году он был переведен в больницу общего типа в Красноярском крае, но и оттуда его не выпускают на свободу. Недавно суд в очередной раз отказался снять с него принудительное лечение. Он лишен свободы уже пятнадцать лет.

Еще один новый метод: ставить психиатрические диагнозы политзаключенным перед их выходом из лагеря. Выходя с этим диагнозом на свободу, бывший зэк все время живет под дамокловым мечом принудительной госпитализации. Такие диагнозы были поставлены Льву Лукьяненко, Ивану Сокульскому, Теодору Ассельбаумсу и другим.

Как советские психиатры пытаются оправдать свое участие в этой развернутой системе психиатрических преследований?

Если в сталинские времена психиатры действительно спасали людей и долгое время после сами искренне по инерции в это верили, то теперь попытка представить отправку в психиатрическую тюрьму "помощью" — откровенная ложь и лицемерие. Сегодняшние характеристики психиатрической тюрьмы, о которых психиатры уже не могут не знать, — это интенсивное лечение (без учета противопоказаний), бессрочность заключения, обязательность раскаяния для освобождения, дискредитация человека и его идей, постоянный шантаж после освобождения, полная бесправность заключенного (испытанные средства борьбы в тюрьме и в лагере, такие, как жалобы и голодовки, здесь отягощают диагноз). В этих условиях любой арестованный панически боится признания невменяемым, и угроза психиатрической тюрьмы используется как шантаж и на следствии, и во время экспертизы.

Еще одно оправдание психиатров, их доказательство правомерности своих действий — это частые заявления о том, что они же сажают не всех подряд, что из людей, совершивших одни и те же действия, они объявляют невменяемыми только тех, кто болен и совершил эти действия по болезни, а следовательно, нуждается в принудительном лечении. Для этого они ссылаются на вынужденные признания людей, для которых признать себя больным был единственный путь к освобождению. На самом же деле во многих случаях людей объявляют вменяемыми потому, что и КГБ, и советской судебной психиатрии приходится сейчас работать под прожектором гласности, считаться с откли-

ками западного общественного мнения, и в частности западных психиатров, на их действия.

Я уже слышал много раз, что меня тоже приводят как пример, когда психиатры признали здорового человека здоровым, так, словно это зависело исключительно от них, а КГБ тут ни при чем. На самом деле все было не так.

Первая экспертная комиссия в начале сентября 1971 г. признала меня невменяемым. Это была комиссия Института Сербского, действовавшая по прямому указанию КГБ, а КГБ считал наиболее удобным после моей книги о психиатрических преследованиях признать и меня за сумасшедшего, который везде усматривает преследования, и послать меня в психиатрическую тюрьму вслед за персонажами книги. Но в это время вокруг моего случая начался большой шум в западной прессе и среди западных психиатров, связанный с подготовкой к конгрессу психиатров в Мехико. Советские органы были прямо обвинены в том, что хотят упрятать меня в сумасшедший дом. В свете подготовки к Мехико советская власть предпочла опровергнуть это обвинение практическим путем. По указанию ЦК была проведена новая комиссия, составленная из врачей, не работающих в Институте Сербского. Она признала меня вменяемым.

Как новый аргумент в защиту психиатрических репрессий советская пропаганда в последнее время приводит целые списки людей, якобы и здесь, в западных странах, признанных психически больными. При этом пресса не стесняясь прибегает к лжи, фальсификации, передергиванию.

В качестве пропагандистского приема была испробована даже такая мера, как приглашение западных психиатров в Институт Сербского, где их ознакомили с несколькими историями болезней, а затем даже повезли в больницу к Григоренко. У советской власти такой опыт тотального обмана и дезинформации, что неудивителен некоторый успех этой операции. Надо помнить, что вам всегда могут представить состряпанную историю болезни, подложить для обследования подставное лицо или в крайнем случае использовать своего переводчика, чем, кстати, и объясняется логичный отказ Григоренко от беседы с английским психиатром.

В кулуарах различных международных конгрессов и симпозиумов советские делегаты выдвигают и такой аргумент: откры-

тые протесты только вредят и работе честных психиатров, и положению самих "пациентов". Прежде всего нельзя забывать, что высказывания этих делегатов никогда не отражают мнения самих честных психиатров, которые в число делегатов не попадают.

Труд честных психиатров, как всякий честный труд, не боится гласности — гласность может помешать только бесчестности и злоупотреблениям. Что же до самих заключенных, то каждый из них заинтересован в том, чтобы о его судьбе говорили, потому что знают, что иначе им не вырваться — это показала практика.

Советская же психиатрия на самом деле не является монолитной: в ней никогда не затихала борьба между честными учеными и пособниками властей. Поэтому речь не идет о полном бойкоте всех советских психиатров. Не может быть никакого сотрудничества, никаких рабочих совещаний с людьми, ответственными за психиатрические преследования. Но можно и нужно добиваться контактов с честными психиатрами и поддерживать их. Только так вы можете содействовать процессу оздоровления советской психиатрии и способствовать появлению таких психиатров, как Глузман.

ПРАВА ВЕРУЮЩИХ И МЕНЬШИНСТВ В СССР

Сообщение Питера Редавея
Комиссии по безопасности и сотрудничеству
в Европе.
Вашингтон, округ Колумбия.
27 апреля 1977 г.

Введение

Я ознакомился с "Первым полугодовым отчетом Президента" вашей Комиссии и отчетом вашей исследовательской группы, посетившей Европу; на меня произвели самое выгодное впечатление серьезность и доскональность вашего подхода к своей задаче. Вы с большим успехом информируете американскую общественность, чем соответствующие учреждения в Европе — народы своих стран.

В этом кратком сообщении я остановлюсь на положении религиозных групп в СССР. Я также разберу проблемы национальных меньшинств постольку, поскольку они имеют отношение к религии. Если вы пожелаете, чтобы я осветил имеющий большое значение вопрос о национальных меньшинствах более подробно, я с удовольствием отвечу на любые вопросы по этой теме.

Советские религиозные группы рассматривают принятый в Хельсинки Заключительный Акт как документ огромной важности. Эти группы немедленно начали использовать его в своих документах как дополнительное и весьма убедительное обоснование многочисленных требований, предъявляемых ими советскому режиму. Они ссылаются на содержащиеся в нем положения о свободе вероисповедания, свободном обмене информацией, о правах национальных меньшинств и свободе передвижения и эмиграции.

Общие перспективы свободы вероисповедания

С самого своего зарождения советский режим был глубоко враждебен религии, враждебен он ей и поныне. Главной причиной этого, с моей точки зрения, является его опасение, что религия послужит философским и моральным основанием для политической программы оппозиционных групп, которые когда-нибудь станут оспаривать монополию режима на власть. Это опасение, как мне представляется, имеет под собой некоторую почву, поэтому режим постоянно ищет более эффективные юридические и иные средства для борьбы с религией. Мне кажется, однако, что режим в основном занимает оборонительную позицию, то есть его репрессивные меры в настоящее время менее эффективны, чем ранее, и он начинает поддаваться под совокупным давлением советских верующих и их защитников и доброжелателей за рубежом. Таким образом, если удастся поддерживать и усиливать это давление — одним из ключевых элементов которого является Заключительный Акт — вполне возможно, на мой взгляд, что свобода вероисповедания постепенно расширится — если не в ближайшем будущем, то лет через пять-десять. От такого хода событий, разумеется, выиграют движение за права человека и многочисленные группы инакомыслящих и национальные меньшинства, большая часть которых глубоко и остро заинтересована в свободе вероисповедания.

Конституционная и юридическая история вопроса

Советская Конституция с самого начала предусматривала отделение церкви от государства. Начиная с 1929 г., этот фундаментальный принцип всесторонне нарушается серией законов, предусматривающих самый мелочный контроль со стороны государства над многими главнейшими сторонами церковной жизни. Юридическая сторона вопроса блестяще описана и проанализирована в книге под редакцией Мишеля Бордо (Michael Bourdeaux), Ханса Хеблы (Hans Hebly) и Юджина Восса (Eugene Voss) "Свобода вероисповедания в Советском Союзе: Всемирный Совет Церквей и СССР: Документы периода после Найро-

би” (Religious Liberty in the Soviet Union: WCC and USSR; A Post-Nairobi Documentation, Keston College, Kent, 1976). Так что я разберу здесь лишь некоторые основные проблемы.

Однако прежде всего следует отметить, что в 1975 г., накануне Хельсинкской конференции, Советы впервые с 1929 г. опубликовали новую, серьезно измененную редакцию законов о религии. Очевидно, цель этого заключалась в том, чтобы закрепить на бумаге репрессивные законы до того, как Заключительный Акт создаст почву для новых, еще более громких требований их либерализации. Такая мера должна была помочь им отвергнуть эти требования, утверждая, что они представляют собой ”вмешательство во внутренние дела СССР” или ”недопустимые попытки изменить принятые в установленном порядке советские законы”. Дело в том, что законы 1975 г. заметно жестче законов 1929 г. и включают множество дополнительных ограничений, введенных при Хрущеве в 1962 г., но державшихся в тайне и не публиковавшихся. Публикуя эти ограничения в составе нового законодательства 1975 г., Советы ставили себе целью подвести более солидную юридическую базу под свою антирелигиозную политику.

Одним из важнейших ограничений свободы вероисповеданий является то обстоятельство, что религиозные общины по закону могут функционировать лишь в том случае, если Комитет по делам религий и культов (КДР) — главный государственный руководящий орган — даст согласие на их регистрацию. Если он откажется (например, потому что у него нет агентурной сети в данной общине и оттого он не в состоянии ее достаточно четко контролировать), то общине следует либо самораспуститься, либо столкнуться с неприятностями и наказаниями, которыми чревата нелегальная деятельность. Такая система дает КДР возможность оказывать сильное давление на духовенство и на все стороны управления их общинами.

Во-вторых, религиозным учреждениям запрещается вести какую-либо работу по привлечению новых верующих и заниматься какой-либо общественной, культурной или благотворительной деятельностью. К примеру, не будет разрешен кружок кройки и шитья при церкви.

В-третьих, запрещено организованное религиозное образование в какой-либо форме. Даже образование, даваемое родите-

лями своим собственным детям, допускается с трудом и может привести к лишению их родительских прав в судебном порядке, насильственному отобранию детей и помещению их в государственные детские дома. Это обосновывается статьей 52-й Кодекса о семье и браке РСФСР, предписывающей: "Родители обязаны воспитывать детей в духе Морального кодекса строителя коммунизма... Родительские права неприменимы там, где они противоречат интересам детей". Эта проблема является предметом одного из хорошо документированных отчетов возглавляемой профессором Юрием Орловым Московской группы содействия соблюдению Хельсинкского Акта.

В-четвертых, церквям на практике позволяют публиковать ничтожно мало и не разрешают ввозить религиозную литературу из-за границы. Нескольким важнейшим направлениям позволяют выпускать по одному периодическому изданию, эти публикации выходят от шести до 12 раз в год и подвергаются строгой цензуре. Раз в десять лет основным религиозным направлениям дозволяется напечатать Библию номинальным тиражом, большая часть которого к тому же используется для преподнесения приезжим из-за рубежа в рамках длительной многогранной кампании, направленной на то, чтобы ввести в заблуждение иностранцев и заставить их поверить в существование широкой свободы вероисповедания в СССР.

И в-пятых, в тюрьмах и лагерях принудительного труда заключенным из верующих запрещается иметь Библию и иную религиозную литературу, посещать богослужения и иметь свидания с представителями духовенства.

Религиозное диссидентство

В свете этих юридических обстоятельств и ввиду того, что режиму не удалось искоренить религию в период сталинского "большого террора", нет, возможно, ничего удивительного в том, что организованное религиозное диссидентство распространилось повсеместно. Оно зародилось в 1960-61 гг., когда Хрущев наложил новые ограничения на религию, поскольку он был встревожен живительным действием, которое оказало на религиозную жизнь возвращение в свои общины множества веру-

ющих из числа почти десяти миллионов человек, освобожденных из концентрационных лагерей.

Баптисты явились первой религиозной общиной, сумевшей создать серьезную организацию. За 17 лет их крыло, отказывающееся подчиниться чрезмерным, по его мнению, требованиям государства, выработало сложную систему неофициального богослужения, подпольного книгопечатания, образования и взаимопомощи и апелляций к советским властям и церковным и светским организациям за рубежом. На протяжении этого периода в каждый данный момент в заключении находились от 100 до 250 баптистов.

В *Русской Православной Церкви* в тот же период появился целый ряд оппозиционных групп. Некоторые из них занимались борьбой против закрытия властями монастыря или церкви или пытались убедить их открыть новую церковь. Другие подробно доказывали, что законодательство о религии противоречит Конституции, выступали за либерализацию и обращались в такие зарубежные организации, как Всемирный Совет Церквей. Третьи наладили подпольное печатание литературы либо для распространения философских и богословских знаний и развития дискуссии на соответствующие темы, либо в рамках деятельности групп русских диссидентов-националистов. Последние весьма тесно связаны с православными диссидентами, и преследования против Церкви относятся к числу важнейших проблем, стоящих между ними и режимом.

В *Грузинской Православной Церкви* начиная с 1973 г. возникают группы диссидентов, точно так же практически неотделимые от нарождающегося грузинского националистического движения. Особенно резко они выступают против коррупции в официальной церковной иерархии, отчасти вызванной пробравшимися в нее агентами КГБ. Два их крупнейших лидера — Звиад Гамсахурдия и Мераб Костава, входящие также в состав грузинской Группы содействия Хельсинкскому Акту, недавно арестованы.

В *Литовской Католической Церкви* сложилось наиболее мощное диссидентское движение в СССР, которое, опять же, самым тесным образом связано с местным националистическим движением. В многочисленных публикациях литовского самиздата содержатся убедительные свидетельства того, что эти

взаимосвязанные движения пользуются активной или пассивной поддержкой большинства трехмиллионного населения. Несмотря на регулярные суды над активистами, власти, по-видимому, не в состоянии справиться с волной недовольства. Диссиденты неоднократно обращались к Ватикану с призывом публично выступить в их поддержку, однако практически никакой поддержки не получили. Они также документально, в больших подробностях, показали, как власти обманом заставили Ватикан проводить политику, благоприятствующую им и приносящую тревогу литовским католикам.

Униатская Католическая Церковь в Западной Украине — это сильная церковь, подвергающаяся особой дискриминации: она запрещена. Она прочно утвердилась в подполье с конца Второй мировой войны, когда ее поставили вне закона за поддержку украинского национализма. Она поддерживает его и поныне. Ее попытки получить юридическое признание не пользуются публичной поддержкой Ватикана.

Пятидесятники с баптистами являются единственными крупными религиозными общинами, не связанными тесно с какой-либо конкретной национальностью. Как и баптисты, они в основном стремятся расширить лишь свободу вероисповедания. Так же, как те, они часто объединены в незарегистрированные общины, существующие по ту сторону закона, ибо не желают идти на связанные с регистрацией уступки. И так же, как баптисты, некоторые из их числа начали бороться за то, чтобы им разрешили эмигрировать, поскольку это единственный способ избежать преследований. Зачинатели этой кампании в 1963 г. добрались через всю Сибирь в Американское посольство в Москве, советские власти отказались дать им разрешение на эмиграцию. В 1974 г. преследования снова усилились, и с тех пор примерно 1.500 человек подали заявления на эмиграцию в США, ссылаясь на Хельсинкский Заключительный Акт. На сей день лишь несколько человек получили разрешение эмигрировать, в том числе г-н Евгений Бресенден, который будет давать показания перед вами.

Движение за права человека включает немало диссидентов, принадлежащих к вышеупомянутым церквям и служащих важным связующим звеном с ними. Таким образом, преследования против церквей и церковное сопротивление регулярно освеща-

ются в главной публикации движения – ”Хронике текущих событий”. Эти ”связные” влияют на мировоззрение нерелигиозных членов движения и иногда способствуют обращению их в свою веру. Целый ряд крупных фигур, связанных с движением, таких как Александр Солженицын, Игорь Шафаревич, Анатолий Краснов-Левитин, Татьяна Ходорович, Наталья Горбаневская, Евгений Барабанов и Михаил Агурский, являются верующими.

За недостатком места в нашем сообщении не упомянуты более спорадические примеры религиозного диссидентства, такие как движения среди евреев, свидетелей Иеговы, адвентистов, старообрядцев, буддистов и менее заметное, завуалированное диссидентство 60 миллионов советских мусульман.

Международные контакты религиозных групп

Они подтверждают, что религиозные культы, учреждения и организации, действующие в конституционных рамках государств-участников, и их представители могут в сфере их деятельности осуществлять между ними контакты и встречи и обмениваться информацией.

(Хельсинкский Акт)

Эта фраза придала сил советским верующим. В частности, литовские католические и русские православные диссиденты с большей уверенностью развивают международные контакты и пытаются разоблачить методы, при помощи которых режим направляет действия официального руководства их церквей в этой области. Следует особо отметить письма русских православных диссидентов Всемирному Совету Церквей (ВСЦ). Например, Лев Регельсон и о. Глеб Якунин просили ВСЦ обратить внимание на многочисленные примеры того, как дискриминация против верующих санкционируется советским законодательством. Они также попросили ВСЦ оказать уместное давление на советское правительство в рамках своего исследования положения со свободой вероисповедания в странах, подписавших Заключение Акт.

Поскольку ВСЦ насчитывает в составе своих членов шесть советских церквей, нет, возможно, ничего удивительного в том,

что он давно не удосуживается выступить в защиту советских христиан. Ход событий стал меняться в 1974 г., когда к обширной документации о преследованиях, посылаемой за границу диссидентами, прислушались более внимательно. Хотя представители советских церквей-членов ВСЦ, явно действуя по приказу советских властей, выступили против такого поворота событий, они пока что достигли лишь частичного успеха. В ВСЦ начинают относиться к советским ограничениям свободы вероисповедания все более критически. То же самое происходит в церквях многих западных стран, хотя, создается впечатление, мало что изменилось в церквях американских, которые, как иногда кажется, утратили способность делать рациональные выводы из вполне очевидных фактов.

Заключение

Религиозное диссидентство в СССР распространилось широко и продолжает расти. Его тесная связь с растущим националистическим движением очевидна. Политика официальных ограничений и периодических преследований в большой степени остается в силе, однако, по всей видимости, делается несколько менее эффективной по мере того, как различные диссидентские движения растут, развиваются и получают все большую поддержку с Запада. Советское законодательство о религии явно нарушает дух и букву Заключительного Акта. Последний, однако, вселил новую надежду в сердца советских верующих, и, если западные правительства будут год за годом упорно отстаивать права верующих, есть основания надеяться, что, хотя и с большой неохотой, советское правительство мало-помалу будет идти на реальные уступки.

ДОКЛАД ПРЕЗИДЕНТА США
Комиссии конгресса по безопасности и сотрудничеству в
Европе
Июнь 1977
ОТРЫВКИ

Советский Союз

В начале 1977 г. советские власти арестовали пятерых видных защитников прав человека (Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Анатолия Щаранского, Миколу Руденко и Алексея Тихого) и предупредили лауреата Нобелевской премии Андрея Сахарова и работника "Эмнести Интернейшнл" Валентина Турчина, что, если они не прекратят делать заявления западным корреспондентам, им грозят серьезные последствия. Эти меры последовали за периодом особо активной деятельности борцов за права человека. Незадолго до своего ареста Гинзбург, защищаясь от обвинения в нарушении правил валютных операций, публично признал, что вел работу фонда, основанного Александром Солженицыным для помощи политзаключенным и их семьям.

Арест Орлова имеет прямое отношение к Заключительному Акту. В качестве главы Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Орлов активно занимался наблюдением за соблюдением Хельсинкского Акта Советским Союзом. К началу 1977 г. его Группа опубликовала девятнадцать сообщений по таким вопросам, как свобода вероисповедания, объединение семей и права национальных меньшинств. Подобные группы были организованы также на Украине, в Армении, Грузии и Литве. После того как Орлов был взят под стражу, другие советские защитники прав человека обратились к западным правительствам с письмом, в котором его арест рассматривается как прямой вызов всем странам, подписавшим Хельсинкский Заключительный Акт.

В данный период имели место и другие инциденты. Например, в декабре московская милиция разогнала людей, собравшихся на Пушкинской площади, чтобы заявить "молчаливый" протест против несоответствий между теорией и практикой советского конституционного права. По оценке выпущенного в январе отчета "Эмнести Интернейшнл", с момента подписания Заключительного Акта в СССР были осуждены по крайней мере 90 диссидентов, о которых стало известно на Западе. Апрельский отчет "Эмнести Интернейшнл" приводит имена семи советских журналистов, арестованных или задержанных в Советском Союзе. Бельгийский гражданин, арестованный в СССР в марте за распространение среди советских студентов брошюр политического содержания, был приговорен к пяти годам лишения свободы.

Соединенные Штаты публично и в частном порядке выразили озабоченность по поводу преследований против Сахарова и ареста Гинзбурга. Вслед за арестом Орлова США призвали, чтобы дело было расследовано Комиссией ООН по правам человека. Получив письмо от Андрея Сахарова, в котором тот просил его выступить в поддержку борцов за права человека в СССР и странах Восточной Европы, президент Картер ответил

посланием, в котором заверил Сахарова, что "наше правительство будет и впредь полно решимости укреплять уважение к правам человека не только в нашей стране, но и за границей". Президент и вице-президент также встретились с советским диссидентом Владимиром Буковским, незадолго до этого освобожденным из заключения.

... Советское и восточноевропейские правительства ответили на проявления озабоченности Запада состоянием прав человека в своих странах обвинениями, что эта озабоченность представляет собой "вмешательство" в их внутренние дела. Например, в своем мартовском телевизионном выступлении, транслировавшемся по всей стране, Генеральный Секретарь Брежнев назвал советских диссидентов "рenegатами" и предупредил: "Мы не потерпим вмешательства в наши внутренние дела ни с какой стороны, ни под каким предлогом". Когда США выступили в поддержку Андрея Сахарова, советская печать отметила в резких тонах, что "заявление Госдепартамента представляет собой беспрецедентный акт вмешательства во внутренние дела другой страны". После письма президента Картера Сахарову советское правительство выразило недовольство по поводу мнимых попыток вмешательства во внутренние дела СССР. Некоторые восточноевропейские государства также выступили с подобными заявлениями.

Точка зрения Соединенных Штатов

Соединенные Штаты полагают, что выполнение Хельсинкского Заключительного Акта является предметом очевидной и законной заботы всех подписавших его стран. Мы, таким образом, придерживаемся мнения, что наш интерес к правам человека не представляет собой вмешательства во внутренние дела других государств и имеет под собой твердую основу в Заключительном Акте и других международных документах, принятых на высшем уровне. Как заявил президент Картер в своем мартовском выступлении в ООН: "Все, подписавшие Хартию ООН, обязались соблюдать и уважать основные права человека. Таким образом, ни один из членов Организации Объединенных Наций не может утверждать, что случаи преследований против его граждан являются его чисто внутренним делом".

Мы также указали прессе на то, что Советский Союз издавна интересуется внутренними делами США и высказывается по их поводу. Коммунистические идеологи притом давно утверждают, что вне зависимости от того, к каким улучшениям в международных отношениях может привести разрядка напряженности, "идеологическая борьба" между Востоком и Западом будет продолжаться.

Сотрудничество в гуманитарной и иных областях

"Третий раздел" Заключительного Акта содержит ряд положений, направленных к общей цели — более свободному движению идей, информации и людей между подписавшими его государствами. Во время перегово-

воров в Хельсинки Соединенные Штаты и большинство западных стран придерживались той точки зрения, что подлинная безопасность и сотрудничество в Европе требуют устранения барьеров, мешающих контактам и связям между народами Востока и Запада. Хотя Советский Союз и его союзники приняли "Третий раздел" на Хельсинкском совещании, они с тех пор стараются свести к минимуму налагаемые им на них обязательства. Они выдвигали аргументы и толкования, рассчитанные на ослабление эффективности "Третьего раздела" путем номинального и избирательного проведения в жизнь содержащихся в нем положений.

Такой подход, с кое-какими вариациями, отмечался в течение всего данного периода. Готовясь к проверке выполнения соглашений, планируемой в Белграде, правительства некоторых стран Варшавского пакта в последние месяцы предпринимали попытки ответить на критику, которой Запад подвергает несоблюдение ими "Третьего раздела", методом кнута и пряника. С одной стороны, они идут на уступки в областях, наименее несовместимых с закрытостью восточноевропейских стран, но, насколько известно, весьма интересующих Запад. Так, например, некоторые страны в последнее время приняли меры к тому, чтобы разрешить ряд старых дел об объединении семей и увеличить число западных периодических изданий, которые можно приобрести в отдельных киосках. С другой стороны, те же самые правительства часто весьма резко реагировали на публичную критику невыполнения ими Хельсинкских соглашений, в то же время оставив без изменений свою достаточно репрессивную политику. В течение данного периода ухудшились условия работы западных корреспондентов в восточноевропейских странах, а политические установки, дающие государству полный контроль над движением людей и информации, остались по сути дела без изменений. Хотя в каждой стране есть свои индивидуальные отличия, в целом страны Варшавского пакта соблюдают "Третий раздел" отнюдь не на уровне положений Заключительного Акта.

Отвечая на критику, которой Запад подверг невыполнение ими положений Заключительного Акта, страны Востока обвинили западные правительства, а в особенности Соединенные Штаты, во "вмешательстве" в их внутренние дела и в попытках замаскировать свои собственные огрехи в этой области. Хотя мы категорически отвергаем обвинения во вмешательстве и полагаем, что в целом прекрасно выполняем Хельсинкские положения, мы тем не менее изучаем все аспекты нашей деятельности в данной области, с тем чтобы еще безупречнее соблюдать Заключительный Акт. Например, в данный момент мы пересматриваем свою процедуру выдачи виз, чтобы установить, нет ли необходимости внести в нее какие-либо административные и, возможно, законодательные изменения.

Точно так же в марте Соединенные Штаты не стали возобновлять потерявших силу ограничений на использование американских паспортов для поездок на Кубу, в Северную Корею, во Вьетнам и в Камбоджу. В апреле мы сняли ограничения на поездки "постоянно проживающих иностранцев" в коммунистические страны и страны, находящиеся под коммунистическим контролем. Эти мероприятия демонстрируют наше стремле-

ние внести свою лепту в решение поставленной Хельсинкским совещанием задачи постепенного устранения препятствий на пути свободного движения людей.

СССР

В 1976 г. наше посольство в Москве оформило в общей сложности 2. 574 советских эмигранта в США – более чем в два раза больше, чем в 1975 г. Нижеследующая таблица показывает тенденции к увеличению этого числа, начиная с 1972 г., причем наиболее значительный рост отмечается в прошлом году:

<u>1972</u>	<u>1973</u>	<u>1974</u>	<u>1975</u>	<u>1976</u>
494	758	1. 029	1. 162	2. 574

Хотя значительный относительный рост в 1976 г. представляет собой немаловажное явление, следует отметить, что абсолютная цифра пока еще сравнительно невысока. Кроме того, немалая часть этого прироста относится за счет эмиграции армян (68 % общего количества), многие из которых иммигрировали в Советский Союз после второй мировой войны, в советском обществе держались как бы на отшибе и в прошлом эмигрировали больше в Ливан, а не в США. Выдача виз на выезд в США евреям и другим национальным меньшинствам после Хельсинкского совещания увеличилась лишь незначительно.

Советские власти допускают эмиграцию не только армян: увеличилось также число немцев, получивших разрешение на переезд в ФРГ. Общее число эмигрантов в 1976 г. – 9. 600 – положило конец некоторой тенденции к снижению, наметившейся в 1975 г., и более чем в три раза превысило уровень 1972 г., что видно из следующей таблицы:

<u>1972</u>	<u>1973</u>	<u>1974</u>	<u>1975</u>	<u>1976</u>
3. 100	4. 400	6. 300	5. 800	9. 600

Тем не менее, в мае группа немцев, которым было отказано в выездных визах, пыталась устроить демонстрацию перед западногерманским посольством в Москве, чтобы выразить протест по поводу своего плачевного положения.

Число выездных виз, выданных направляющимся в Израиль советским евреям, в последний квартал 1976 г. увеличилось и составило в течение года 14. 000. Хотя эта цифра превысила число виз за 1975 г. и приостановила спад, отмеченный в два предшествовавших года, еврейская эмиграция оставалась далеко не на том уровне, который был достигнут в 1972-73 гг.:

<u>1972</u>	<u>1973</u>	<u>1974</u>	<u>1975</u>	<u>1976</u>
31. 500	35. 000	20. 000	13. 000	14. 000

Эти данные показывают, что объявленные в начале 1976 г. изменения в советской эмиграционной политике, такие как предоставление права

подавать на пересмотр отказа через шесть месяцев, а не через год, не привели к значительному увеличению эмиграции советских евреев. В течение 1976 г. также неоднократно поступали сообщения о том, что некоторые советские чиновники более строго применяют эмиграционные законы путем более узкого толкования родственных отношений, которые необходимо указывать при подаче заявления на выезд. Данные за начало 1977 г. показывают, что на данный момент еврейская эмиграция проходит примерно такими же темпами, как в 1976 г.

В интервью, данном в январе 1977 г., глава Отдела виз и регистраций иностранцев МВД СССР повторил известное утверждение о том, что разрешения получают 98, 4 % лиц, выразивших желание выехать из СССР, и добавил, что число евреев, подающих на выезд, с 1973 г. уменьшилось на две трети. Хотя подтвердить или опровергнуть данные о низком проценте отказов сложно, не исключено, что они отвечают действительности, поскольку СССР препятствует эмиграции в основном при помощи репрессий против подавших заявление на выезд, лишая их работы, а иногда и жилья и создавая таким образом атмосферу, которая мало способствует подаче заявлений. В связи с этим процент отказов не может служить надежным показателем того, насколько терпимо относятся советские власти к проблеме эмиграции.

Хотя Советский Союз допустил некоторое увеличение общих темпов эмиграции, он не проявил большей готовности разрешить "трудные" дела об объединении семей. После 20 января мы подчеркивали решимость администрации добиваться объединения семей и представили советской стороне список десяти разъединенных семей, испытывающих особые тяготы, а также список советских граждан, которым было отказано в визах на выезд в Соединенные Штаты для объединения с родственниками. Этот второй список (девятнадцатый по счету, представленный Соединенными Штатами за двадцать лет) содержит имена 366 отдельных лиц и 128 семей. В переговорах с высокопоставленными советскими чиновниками мы выразили заинтересованность Соединенных Штатов в разрешении дел большого числа советских евреев, которым было отказано в выездных визах в Израиль.

Информация

В течение рассматриваемого периода государства Варшавского пакта продолжали критиковать то, как Запад соблюдает положения Хельсинкского совещания, касающиеся информации. Эта критика обычно содержала утверждения о том, что страны Востока печатают больше западных книг и показывают больше западных кинофильмов, чем западные страны ввозят с Востока. Этим обвинениям способствует то обстоятельство, что у коммунистов имеется доступ к статистическим данным находящимся под государственным контролем культурных учреждений, не существующих на Западе, в связи с чем сравнивать статистику затруднительно. В Заключительном Акте, разумеется, нигде не говорится о том, что правительства должны обеспечивать статистическую взаимность в смысле чис-

ла книг и кинофильмов, показываемых на Востоке и на Западе. Такое условие подразумевало бы известную степень государственного контроля над культурой, который отвергается западными странами и самим Хельсинкским Актом. Напротив, Заключительный Акт поддерживает западную точку зрения, что человек должен свободно решать, какие ему читать книги и какие смотреть кинофильмы. В этом смысле распространение информации является той областью "Третьего раздела", для соблюдения которой Советский Союз и его союзники со времени Хельсинкского совещания сделали меньше всего.

Распространение информации

Количество и диапазон западных книг и кинофильмов, попадающих в страны Востока, остаются весьма ограниченными. Публикуемые книги и демонстрируемые кинофильмы отбираются по политическому признаку, выходящие там книги часто подвергаются цензуре. Собственная статистика Советского Союза показывает, что более 50 % переводимых там книг американских авторов представляют собой научно-техническую литературу, тогда как лишь 5,3 % в 1973 г. и 11,8 % в 1974 г. посвящены историческим и социально-экономическим предметам.

В течение рассматриваемого периода западные газеты и журналы оставались в странах Варшавского пакта малодоступными. Туда ввозилось лишь номинальное количество подобных изданий, продававшихся (если они вообще продавались) в немногочисленных точках. Как-то в начале марта появились сообщения о том, что Чехословакия сократила ввоз даже западноевропейских коммунистических газет, которые выступали со все более резкой критикой чехословацкой политики по отношению к борцам за права человека. Впоследствии Болгария и Чехословакия, очевидно, готовясь к Белградской конференции, организовали открытую продажу кое-каких западных журналов и газет. Однако, как и в других странах Варшавского пакта, они поступили в весьма незначительном числе экземпляров и продавались в особых местах, которые посещаются туристами и приезжими с Запада. Номера к тому же были достаточно старыми, а цены на них — высокими по восточноевропейским понятиям. Мало было признаков того, что восточные правительства допустили свободный доступ к западным газетам через такие учреждения, как крупные публичные и университетские библиотеки, которые на Западе часто подписываются на восточные газеты и журналы. Восточные страны по большей части не разрешили также свободной и беспрепятственной почтовой пересылки газет, оплаченных родственниками и друзьями на Западе.

... Соединенные Штаты и большинство западных государств видят в Белградской конференции главным образом возможность для серьезного изучения того, как выполняется Хельсинкский Заключительный Акт. Хотя мы не желаем, чтобы Белградская встреча превратилась в обмен обвинениями и полемическими выпадами, мы полагаем, что полная и откровенная проверка выполнения Хельсинкских положений, которую предписывает Заключительный Акт, должна оставаться центральной задачей

Белградской встречи. Процедурный метод действенного осуществления такой проверки все еще активно разрабатывается. Ясно, однако, что добросовестное и последовательное выполнение Заключительного Акта является ключом к успешному проведению Белградской встречи, что мы настоятельно подчеркивали как восточным, так и западным государствам.

Разумеется, серьезный обмен мнениями по поводу выполнения Заключительного Акта приведет к тщательному публичному разбору нашего собственного поведения. Хотя мы гордимся тем, что нами сделано, и считаем, что Заключительный Акт отражает положение, существующее в большинстве западных стран, мы признаем, что можем выполнять взятые на себя обязательства еще лучше. В этой связи мы пересматриваем в данный момент нашу политику выдачи виз и продолжим в ближайшие месяцы рассмотрение других аспектов нашего поведения.

События, имевшие место в течение рассматриваемого периода, наводят на мысль, что Белградская встреча будет иметь значительный резонанс и на Востоке, и на Западе. Заключительный Акт привлечет активное общественное внимание к проблемам, имеющим первостепенное значение для отношений между Востоком и Западом и для миллионов людей, на чьи жизни они оказывают влияние. В конечном итоге успех Белградской встречи зависит от того, внесет ли она свою лепту в достижение целей Хельсинкского совещания. Эти цели включают подлинную разрядку напряженности между государствами, укрепление уважения к правам человека и практическое улучшение условий жизни народов и Востока, и Запада. О Белградской встрече, да и о самом Хельсинкском совещании можно будет судить по тому, сумеют ли они в действительности приблизить нас к достижению этих целей и продемонстрировать, что Хельсинкские обязательства были взяты с искренними намерениями.

ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫХ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

До второй мировой войны китайско-советские отношения были отмечены регулярными препирательствами по национальному вопросу. Антисоветские операции белогвардейцев, нашедших прибежище в Китае, вызывали нескончаемые протесты Москвы, требовавшей, чтобы китайские власти положили конец деятельности, направленной против советских интересов. В то же самое время дурное обращение, которому часто подвергались проживающие в Китае советские граждане со стороны китайских чиновников или белогвардейских организаций, порождало поток резких обоюдных обвинений по дипломатическим каналам: русские утверждали, что китайцы принимают участие в соответствующих инцидентах или, по крайней мере, нарушают свой долг по защите невинных иностранцев, находящихся под их юрисдикцией; китайцы отрицали свою ответственность за инциденты или обвиняли в предосудительном поведении их предполагаемые жертвы. Такая переписка тянулась бесконечно и почти не дала результатов.

Согласно некоторым подсчетам, к 1945 г. 50-60 тыс. лиц русского происхождения проживали в Синьцзяне и около 200 тыс. русских были раскиданы по всему Китаю. Большая часть из них представляла собой эмигрантов-антикоммунистов. В дополнение к этому в Синьцзяне находилось большое число лиц нерусского происхождения, в основном казахов и уйгуров, которые в разные периоды перебрались из родных мест в России или Советском Союзе в соседние провинции Китая. Так, в 1916 г. примерно 300 тыс. членов казахских племен из русской Средней Азии нашли убежище в Синьцзяне. Затем, в 1930-е гг., тысячи казахов снова бежали в Синьцзян из Советского Союза, чтобы спастись от кампании по насильственной коллективизации сельского хозяйства.

В первые послевоенные годы были предприняты шаги для разрешения проблемы. Вступление СССР в войну против Японии и оккупация Маньчжурии советскими вооруженными силами дали Москве возможность вплотную заняться скоплением русских поселенцев в северо-восточных районах Китая. Белогвардейское население расселилось, и часть его членов бежала на юг от советского наступления. Многие из тех, кому не удалось вовремя спастись, были арестованы и увезены в СССР, некоторые были отданы под суд за свои прошлые прегрешения, судьба прочих остается неясной, известно лишь, что доброе число их в стандартном административном порядке оказалось на каторге.

Затем советское правительство занялось остальной частью русского меньшинства в Китае. Так, указ от 10 ноября 1945 г. объявил, что "лица, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи, а также, лица, состоявшие в советском гражданстве и утратившие это гражданство, а равно их дети, проживающие на территории Маньчжурии, могут восстановить гражданство СССР".

Это они могут сделать "в том случае, если они в течение срока до 1 февраля 1946 г. обратятся в консульства СССР на территории Маньчжурии с соответствующим заявлением, к которому должны быть приложены документы, удостоверяющие личность заявителя и его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству".

Такое заявление рассматривалось на месте и в случае положительного решения вопроса вело к выдаче консульством просителю советского *repis de sejour* (вида на жительство). Лица, не прошедшие до вышеуказанного срока формальностей, необходимых для получения советского гражданства, могли впоследствии приобрести его в обычном порядке. Дополнительный указ от 22 января 1946 г. продлил срок приема заявлений до 1 апреля 1946 г. Второй указ Президиума Верховного Совета СССР распространил действие этого акта на лиц, проживающих в провинции Синьцзян и в городах Шанхае и Тяньцзине, дав им время до 1 апреля 1946 г., чтобы связаться с ближайшим советским консульством. Срок прекращения приема заявлений был позднее продлен до 1 июля 1946 г., а затем до 31 декабря 1946 г. для лиц, проживающих в Синьцзяне, и до 1 июля 1946 г. для живущих в Шанхае и Тяньцзине.

Следует отметить, однако, что новая юридическая концепция вида на жительство воспринималась совершенно по-особому. С одной стороны, заручившиеся этим документом лица признавались таким образом гражданами СССР и *ipso jure* попадали под юридическую защиту Советского Союза. С другой стороны, обладание таким удостоверением само по себе не давало его владельцу права на свободный въезд в СССР. Вопрос о допуске таких лиц в Советский Союз решался в индивидуальном порядке, вне всякой зависимости от ранее выданного документа о гражданстве "ограниченного действия". Формально такая довольно необычная процедура объяснялась необходимостью изыскания крова и работы для потенциальных репатриантов, что представляло собой нелегкую задачу ввиду разрушений, причиненных войной Советскому Союзу. По всей вероятности, в учреждении такого дополнительного проверочного механизма сыграли свою роль и соображения безопасности.

Даже в таком случае реакция была вполне удовлетворительной. Движимые порожденным войной патриотическим порывом и стремлением избавиться от шаткого положения лиц без гражданства, русские эмигранты приняли предложение о "восстановлении советского гражданства" с большой готовностью. Согласно официальным советским цифрам, в одной Маньчжурии с середины ноября по конец декабря

1945 г. советские консульства получили следующее число заявлений о восстановлении гражданства: в Харбине – около 7 тыс., в Дальнем (Дайрене) – более тысячи, в г. Маньчжурия – в районе 3 тысяч. Следующим шагом обыкновенно была подача заявления на переезд в Советский Союз, и в течение следующего года в СССР действительно репатрировались таким образом из Китая несколько тысяч человек.

Приход коммунистов к власти в континентальном Китае не отразился на положении русских, оставшихся на китайской земле. Помимо тех, кто предпочел выехать в СССР, большая группа местных русских эмигрантов, имевших антисоветские настроения, была вывезена из Китая различными международными организациями, занимающимися беженцами, до того, как коммунистические войска захватили всю страну. Многие из тех, кому не удалось вовремя уехать, собрались в Шанхае, и китайские коммунистические власти впоследствии разрешили значительной их части покинуть страну в рамках разных программ помощи, осуществлявшихся из-за границы. Кучке оставшихся время от времени грозили высылкой в индивидуальном или массовом порядке; были даже опубликованы соответствующие постановления, однако в жизнь их не проводили, а работа по переселению эмигрантов продолжалась, так что в конечном итоге все они, за исключением горстки людей, выехали из страны, и проблема была таким образом практически разрешена.

В 1954 г. советские источники сообщили, что в Китае все еще проживают более 100 тыс. русских и большая их часть находится в северо-восточных провинциях и крупных городах (Шанхай, Тяньцзинь, Пекин и т.д.). Примерно 20 тыс. занимались сельским хозяйством в Синьцзяне и окрестностях Кульджи и Урумчи. Покуда отношения между Москвой и Пекином оставались вполне сердечными, судьба этих людей, по видимому, не внушала опасений. Они, однако, быстро сделались яблоком раздора, как только в этом содружестве стали появляться трещины. Разрозненные свидетельства позволяют утверждать, что связанные с гражданством юридические вопросы с самого начала занимали в конфликте видное место, из чего можно заключить, что этот предмет сам по себе порождал большие противоречия и проблемы, возникавшие при решении этих вопросов, усиливали общую напряженность. Например, советские представители утверждают, что китайцы более чем на два года затянули подготовку к подписанию китайско-советского консульского договора, которое в конце концов состоялось в июне 1959 г. В то же самое время китайцы якобы вообще отказались подписать соглашение о гражданстве и юридической защите граждан обеих стран. В общем, говоря ретроспективно, вывод о том, что вопросы, связанные с гражданством, стояли ребром в разрастающемся китайско-советском споре и дополняли список пунктов, по которым эти два режима не могли прийти к согласию, кажется вполне очевидным.

Положение в этом вопросе быстро ухудшалось. Теперь русские утверждают, что разразившаяся в конце 50-х – 60-х гг. массовая чистка местных руководящих кадров и интеллигенции особенно сильно ударила по

тем жителям Синьцзяна, которые родились в Советском Союзе, и еще сильнее по тем из них, кто считал себя советскими гражданами. Китайцы, со своей стороны, обвинили русских товарищей в том, что в апреле-мае 1962 г. они использовали свои учреждения и персонал для проведения широкой подрывной деятельности в районе Или в Синьцзяне и что они уговорили и заставили несколько десятков тысяч китайских граждан перейти в Советский Союз. Хотя, как сообщают, китайское правительство неоднократно выступало с протестами и нотами, советские власти отказались репатриировать этих китайских граждан, выдвигая в качестве предлога "дух советской законности" и "гуманные соображения".

Как и можно было ожидать, у Москвы имеется своя версия этого инцидента. По ее словам, весной 1962 г. обитатели Синьцзяна массами ушли на советскую территорию, чтобы избежать экономических трудностей и национального угнетения, от которых они страдали в результате политики маоистских властей.

Поначалу, рассказывают русские, заместитель Министра иностранных дел КНР назвал то, что произошло, "печальным событием", однако впоследствии Пекин заговорил по-иному и возложил всю вину на "подрывную деятельность советских властей". Русские видят корни проблемы в присутствии там большой группы эмигрантов из России и Советского Союза, имеющей несколько двусмысленный юридический статус. Благодаря вышеупомянутым послевоенным указам, около 120 тыс. имевших на то право лиц официально зарегистрировались как советские граждане и получили от советских властей разрешение на проживание за границей, однако многие из их соотечественников по разным причинам не получили соответствующих документов, хотя по советскому законодательству они не утратили советского гражданства.

Поначалу руководство КНР относилось к этим лицам дружелюбно, однако со временем положение изменилось к худшему. Начиная с 1958-59 гг., ограничиваются право собственности и другие права советских граждан, постоянно проживающих в Синьцзяне; увольнения с работы в государственных учреждениях и на предприятиях делаются обычным явлением; учащаются наказания за самые незначительные проступки. Сотрудники китайских учреждений грубо обращались с советскими гражданами, отказывались выполнять простейшие их просьбы, высмеивали их национальные обычаи и привычки и запрещали им пользоваться родным языком. В то же самое время в начале 1962 г. местные власти в Синьцзяне почти совсем прекратили выдачу разрешений на выезд советским гражданам, желающим вернуться на родину.

В результате этого весной 1962 г., как сообщают, толпы людей, которые не могли больше мириться с тяжелыми условиями жизни, голодом, национальной дискриминацией, преследованиями и разгулом антисоветизма, начали спасаться бегством на советскую территорию, и только с 22 апреля по начало июня 1962 г. 67 тыс. человек незаконно перешли границу. Китайцы сделали попытку обвинить советские власти в том,

что они "привечают нарушителей границы". В ответ Советы послали ноту от 29 апреля 1962 г., в которой отвергли китайские обвинения и указали на то, что нарушения границы происходят с китайской стороны на глазах у китайских властей, которые, следовательно, и должны принять меры к исправлению положения. С того времени советские источники развили эту версию дальше, утверждая, что китайские чиновники, понимая, что обращение к силе в данном случае их только скомпрометирует, вскоре перешли к иной тактике и на самом деле потакают беглецам. По этой версии власти в Чугучаке и Кульдже известили граждан, требующих разрешений на выезд в СССР, что визы им не нужны и они могут просто переходить границу. Была даже организована система продажи билетов на дорогу до пограничных пунктов и отправки багажа по почте. В конце мая 1962 г. от десяти до двадцати грузовиков с 40-50 пассажирами выезжали каждый день из одной только Кульджи. Пассажиры сходили в нескольких километрах от границы и продолжали путь пешком. Занимаясь всем этим, китайцы в то же время якобы утверждали, что Советы применяют физическую силу против лиц, пытающихся перейти границу, в надежде, что, если беженцев встречают пулями и штыками и заставляют вернуться в КНР, Советы навлекут на себя вечную ненависть этих несчастных людей.

Сообщают, что советское правительство настойчиво изыскивало способы мирного разрешения создавшейся проблемы. Беглецов призывали вернуться в КНР и, если у них все еще было желание эмигрировать в СССР, воспользоваться установленной процедурой выезда. Советское правительство неоднократно приглашало компетентные органы КНР прислать своих представителей для бесед с беженцами, однако китайцы ответили отказом, видимо, прекрасно понимая, что мало кто из них захочет вернуться обратно. Некоторые пожелали это сделать, в основном те, кто оставил в Китае многочисленных родственников. Тем не менее китайцы продолжали требовать, чтобы все жители Синьцзяна, бежавшие в СССР, были возвращены силой, даже под угрозой применения оружия; в то же самое время они не принимали тех, кто добровольно выразил желание репатриироваться. Советское правительство не могло согласиться на насильственное выдворение в КНР лиц (большую часть которых составляли старики, женщины и дети), бежавших, спасая свою жизнь.

Полные взаимных обвинений дипломатические ноты сновали взад и вперед. Министерство Иностранных Дел КНР утверждало, что Советы "подготовили и провели массовые переходы границы", что Синьцзяну угрожает "серьезная подрывная деятельность со стороны Советского Союза", и т.п. Советское правительство отрицало содержащиеся в этих заявлениях утверждения и изложило свою собственную позицию по вопросу о событиях в Синьцзяне, особенно в связи с массовым бегством местного населения на советскую территорию. Китайское руководство повторило свои прежние утверждения и вдобавок обвинило русских в провоцировании кровавых инцидентов в Кульдже весной 1962 г. (Мо-

сква, в свою очередь, утверждала, что китайцы организовали погром местного неханьского населения, приведший к человеческим жертвам). Пекин снова потребовал, чтобы все беженцы были переданы в китайскую юрисдикцию, и в то же время продолжал отвечать отказом на предложение послать своих представителей уговаривать беглецов вернуться назад.

По словам советских представителей, китайцы затем начали яростную кампанию против персонала советских консульств в Синьцзяне; эти провокационные действия включали обыски и аресты советских дипломатов. Местные советские землячества были закрыты, а их руководители взяты под стражу по обвинению в антиправительственной деятельности и нарушении закона. В Синьцзяне усилилась антисоветская пропаганда. В свете этих невыносимых обстоятельств советское правительство приняло решение закрыть свое генеральное консульство в Урумчи и консульство в Кульдже. Затем по настоянию китайцев было закрыто отделение советского торгпредства в Урумчи.

Подобные же инциденты произошли в 1962 г. в Харбине, где были опечатаны помещения и имущество местного советского землячества. Члены его совета и сотрудники в городе и его окрестностях были арестованы. Они подверглись унижительным допросам и физическому воздействию; сообщают, что двое из них умерли в заключении. В то же самое время китайская милиция блокировала советское генеральное консульство в Харбине и лишило советских граждан доступа в него. Ввиду сложившейся ситуации, осенью 1962 г. советское правительство закрыло свои оставшиеся консульства и отделения торгпредства в Китае.

В конечном итоге самим китайцам пришлось пойти навстречу желанию советских граждан и лиц, родившихся в России, выехать в Советский Союз. В сентябре 1962 г. (уже после ликвидации советских консульских учреждений в Синьцзяне) Министерство Иностранных Дел КНР попросило советское правительство облегчить процедуру въезда в СССР желающих пересечь туда лиц. Удовлетворяя эту просьбу, советские власти учредили временную программу безвизовой иммиграции в СССР из Китая для советских граждан и членов их семей. С 15 октября 1962 г. по 1 мая 1963 г. более 46 тыс. человек воспользовались этой возможностью и уехали из Синьцзяна в Советский Союз. В конце концов советское правительство сочло необходимым предложить властям КНР, чтобы нормальный въезд по визам был восстановлен, ибо эмиграционный поток не ослабевал и надо было предоставить всем репатриантам жилье и работу.

По сведениям одного источника, к 1966 г. в Синьцзяне, в основном в окрестностях Кульджи, оставалась лишь горсточка русских. Русские все еще продолжали выезжать из Китая, однако во всей стране их оставалось не более 800 человек, в том числе, возможно, 300 – в Синьцзяне.

Весьма похожие события произошли во время культурной револю-

ции. Советская печать сообщила, что в последние месяцы 1966 г. несколько сот тысяч уйгуров и казахов перешли границу из Синьцзяна и нашли убежище в Советском Союзе. Этот исход был вызван страхом перед культурной революцией и сопровождавшей ее охотой на сторонников СССР, массовым переселением китайцев в Синьцзян и, как утверждают, преследованиями против национальных меньшинств. Незаконный переход границы потоками беженцев привел к серии инцидентов и увеличил напряженность на китайско-советской границе. Однако к февралю 1967 г. китайским властям удалось овладеть положением и завершить выселение жителей из пограничной зоны (особенно в Синьцзяне), вследствие чего поток беженцев в Советский Союз практически прекратился. Подсчитано, что более 100 тыс. человек эмигрировали из Китая в один лишь Казахстан и были постепенно расселены в пределах этой республики. Советские источники утверждают, что компетентные органы предприняли серьезные усилия, чтобы уговорить беженцев возвратиться в Китай, и сообщают, что несколько сот человек действительно согласились репатрироваться. Их отъезд мог бы знаменовать начало постепенной эвакуации значительной части беженцев, однако китайцы наотрез отказались их принять, так что переселенцы пустились в путь в СССР. В настоящему времени эти лица, по всей видимости, получили советское гражданство.

В 1969 г. советские власти приняли меры по прекращению дальнейшего движения через границу, и схваченные нарушители стали арестовываться на месте и отправляться в лагеря за незаконный переход границы. Также предпринимались попытки вербовки этих лиц для засылки в Китай со шпионскими заданиями от советской разведывательной службы, хотя невозможно сказать, насколько успешным оказалось это предприятие. Достаточно лишь отметить, что после столкновений 1969 г. граница хорошо охраняется с обеих сторон и незаконный переход границы в обоих направлениях – дело трудное и опасное, хотя изредка такие переходы и случаются. В связи с этим статус кво, по всей видимости, в обозримом будущем останется неизменным.

А крошечной русской колонии в Китае также пришлось испытать на себе удары культурной революции. По словам советских представителей, постоянно проживающие в Китае русские подвергались нападениям хулиганов, обыскам, избиениям и обращению, унижительному для их человеческого достоинства. У них незаконно отбирали имущество, их выселяли из дома, выгоняли с работы и из учебных заведений, им не давали переписываться с родственниками в СССР и связываться с советским посольством. Сообщают, что советское посольство часто не ставилось в известность об их аресте. Эти обстоятельства снова привели к обмену дипломатическими нотами, весьма напоминающему довоенную ситуацию, и к новым попыткам эвакуировать из Китая крошечную русскую общину, оставив лишь несколько человек как молчаливое напоминание о существовавшей когда-то на Дальнем Востоке огромной и процветающей русской колонии.

ОБРАЩЕНИЕ БАПТИСТОВ

*Советскому правительству
Комитету прав человека в СССР
"Международной Амнистии" и в дру-
гие организации*

*От Совета родственников узников
ЕХБ, осужденных за Слово Божие
в СССР*

1976 год окончился. В начале его нами было послано Вам новогоднее обращение. Оно было вызвано невыносимым положением верующих Евангельских христиан-баптистов, проживающих на территории СССР. В нем подробно, с удостоверяющими фактами изложено бесправие и страдания верующих ЕХБ на протяжении десятков лет, в том числе за период последних 15 лет существования Церквей, входящих в состав Совета Церквей ЕХБ. Но так как это обращение отделялось всего 4-мя месяцами от подписания Хельсинкского договора, то мы терпеливо ждали, что время и обязательства, взятые Вами перед лицом всего мира, остановят Вас и убедят в необходимости изменения угнетенного положения верующих ЕХБ. Подводя итоги прошедшего года в выполнении условий новогоднего обращения, необходимых для беспрепятственного исповедания христиан, следует сделать выводы:

12 УСЛОВИЙ НОВОГОДНЕГО ОБРАЩЕНИЯ И ИХ ВЫПОЛНЕНИЕ

1. "Освободить всех узников ЕХБ (в первую очередь женщин и больных :Ткаченко, Батурина и Дубицкого), находящихся под следствием, в тюрьмах и лагерях, и реабилитировать их перед лицом всего мира." (См. новогоднее обращение .)

По милости Господа, по усиленным молитвам и ходатайствам верующих ЕХБ, родственников и людей доброй воли Ткаченко Петра освободили на 5 месяцев раньше срока, искалеченного и больного. Батурин и Дубицкий живыми возвратились домой по окончании срока.

Кроме них еще условно-досрочно на 2-6 месяцев освобождены 5 братьев и 8 братьев по окончании срока. Всего в 1976 г. освободились 16 братьев-узников. Ни один из узников не реабилитирован.

Женщины-христианки не освобождены до сего дня.

Список узников на 1/1–1977 года 68 человек.

Зато вновь произведены аресты: 13 июля 1976 г. арестован пресвитер Церкви ЕХБ г. Иссък Штеффен И.П. и приговорен к 5 годам лишения свободы строгого режима. Он третий раз осужден за верность Господу. 11 июля 1976 года арестован и 4-й раз осужден 76-летний старец Серебряников П.А. (с. Ивановка Измаиленский р-н Азербайд. ССР) на 5 лет строгого режима. Арестована и осуждена на 2,5 года Барин Екатерина Н. (г. Здолбуново Ровенской области) в мае месяце 1976 г. за то, что детям возвещала о Христе.

2. "Дать Совету Церквей право проводить свою работу открыто и беспрепятственно."

Служка и преследование Членов Совета Церквей усилены.

Крючков Г.К. до сих пор вынужден жить на нелегальном положении. За семьей постоянная слежка. То же с Членом Совета Церквей Храповым Николаем Петровичем, Секретарь Совета Церквей ЕХБ Винс Георгий Петрович до сих пор томится в лагерях далекого сурового Севера Якутии в тяжелом состоянии здоровья. Жизнь Членов Совета Церквей ЕХБ в постоянной опасности.

3. "Предложить с Вашей стороны Совету Церквей начать совместные переговоры по вопросу дальнейшего положения Церкви ЕХБ в свете Хельсинкского соглашения и Международных Пактов о правах и свободе".

Этот пункт также не выполнен. Наоборот, в течение 1976 года весьма заострен вопрос о непризнании Совета Церквей, и категорически запрещено Церквям упоминать о принадлежности к нему. За упорство – арест. Пресса, исполкомы, КГБ чернят, всячески внедряют понятие о Членах Совета Церквей и его последователях, как о самых низких людях, как о преступниках, как о злостных врагах народа, как о людях с гнусными целями в своей жизни, достойных презрения всего общества и уничтожения. Примером этому могут служить почти одновременно клеветнические статьи о верующих в различных газетах союзного значения ("Литературная газета", "Рабочая газета", Ворошиловградская газета, Брестовская газета, "Голос Родины", Львовская газета и по всем городам и местечкам стран дублирование статей, как, например, "Литературной") Члена Совета Церквей Минякова опорочили в Омской, Ворошиловградской и др. газетах, но мы уповаем на слова: "Бог твой, Которому ты неизменно служишь, Он спасет тебя;" – слова царя к Даниилу во рву львином. Кн. Даниила 6,16.

4 и 5 пункт новогоднего обращения о детях.

1. Не только не выполнен, но преследование детей повсеместно приняло широкие размеры. Глумление над родительскими правами верующих родителей и отнятие детей – угроза над каждой семьей христиан.

Наши дети испытывают по-прежнему преследования в школах со стороны учителей за посещение молитвенных собраний, за отказ их вступать в безбожные организации, как пионерские, октябрятские. В школах,

где учатся дети верующих родителей, по воскресным дням специально организовывают обязательные всевозможные спортивные соревнования, олимпиады. А за неявку на эти мероприятия верующие дети, так как они посвящают Богу этот день, получают двойки в журнал.

2. Дети по-прежнему находятся под постоянной угрозой быть лишеными своих родителей, так как закон о семье и браке используют для отбирания детей за христианское (под предлогом некоммунистического) воспитание.

1976 год отмечен целым рядом попыток отнять детей у верующих родителей: Супрунович (Старая Выжва), детей Животягиной (г. Шепетовка Хмельницкой обл.), детей Петренко (г. Коростень Житомирской обл.), детей Назарук (г. Эдолбуново Ровенской обл.). Подробности и точные адреса у Вас, посланы Вам в протекшем году. Но Господь вступился за этих деток, возбудив свой народ молиться усердно и ходатайствовать, и приговоры были отменены. За это мы прежде всего благодарим нашего Господа и тех, кто способствовал справедливому решению.

Тяжелое переживание выпало на долю круглого сироты Коровина Олега, которого хотели отобрать у его родной тети, так как она верующая.

По-прежнему детям верующих родителей по окончании школы выдаются характеристики, указывающие на религиозную принадлежность их родителей. Цель такой характеристики — закрыть верующим и их детям вход в учебные заведения. Не дать возможности детям верующих родителей приобретать специальности и иметь высшее или даже среднее специальное образование.

Студента Московского института инженеров железнодорожного транспорта Кузнецова Севу в 1976 году исключили с IV курса при переходе на V курс только за то, что он христианин.

6. "Возвратить штрафы верующим ЕХБ, взятые с них за присутствие на богослужбных собраниях и предоставление своих квартир для этого".

Этот пункт не только не выполнен, но постоянно не прекращают поступать сообщения о вновь и вновь налагаемых штрафах на верующих суммой уже не в 10 руб. или иной меньшей суммы, но только по 50 руб. на каждого. Эта сумма в общей сложности порой достигает размера 400 руб. на каждого верующего. Штрафуют многодетных, штрафуют инвалидов, пенсионеров. Не щадят старцев (оштрафован 92-летний старец Евтухович в г. Минске). Посмотрите все заявления, посланные Вам в течение 1976 г. Пенсионерка Вельчинская Н.Ф., проживающая в Московской обл., Ленинский р-н, д. Ватутенки дом 36, была подвергнута штрафу за проведение в ее доме богослужбного собрания в начале 1976 года. Ей об этом вручили однажды постановление. Вычеты по 10 руб. 24 коп. из ее мизерной пенсии продолжались с марта мес. 1976 г. и продолжились до марта 1977 г. Нетруден обыкновенный математический подсчет, что с Вельчинской высчитали 122 руб. 88 коп. Справедлив вопрос, заданный ею: "Кого я кормлю на свою пенсию?" — в письме Правительству.

7. "Возвратить верующим изъятую у них духовную литературу, музыкальные инструменты и другие предметы религиозного назначения и личные вещи".

Этот пункт не выполнен: кроме ранее изъятой литературы в 1976 году изымалась литература личная у отдельных верующих при обысках, а также при посадке в самолет, где литература религиозного содержания изымалась, как взрывоопасная.

8. "Возвратить поместным Церквам молитвенные дома или предоставить помещения для проведения Богослужения."

Ни одного дома возвращено не было ; дополнительно к прошлым беззакониям были разрушены дома и палатки, где собирались верующие ЕХБ для Богослужения (г. Херсон, г. Иссык, с. Ивановка Черниговской области, г. Алма-Ата, г. Кишинев и др.).

9. "Запретить местным властям МВД и КГБ применять физические меры насилия, покушения на верующих, прямое тайное убийство и подстрекательство к тому".

Если в 1975 году был убит в г. Кривом Роге Библенко, то ровно через год, в 1976 году, был убит Дейнега Николай Васильевич (с. Ивановка Черниговской обл.), которому перед этим были угрозы убийства и преследования в течение 2-х лет. А затем он был убит.

В то же самое время органами КГБ при допросах были предупреждения многим христианам о том, что и "министры погибают при авариях" и что "своей смертью они не умрут." А в брата Майера Я. (г. Тирасполь, Молдавия) сделан прямой выстрел в голову, но Господь сохранил его. Явная попытка покушений и на Членов Совета Церквей Минякова, Хорева и др., о чем было сказано выше.

10 и 11 пункты новогоднего обращения. Вопрос о призванных в армию стал особенно острым в этом году. Наши юноши-христиане, находясь в Армии, по своим христианским религиозным убеждениям не могут принять клятву-присягу, ибо написано: "не клянись вовсе" – это слова Самого Христа. Юноши не отказываются от несения воинской службы. Но, однако, их судят как за отказ от воинской службы. Таким образом осуждены и лишены свободы 10 юношей-христиан. Еще на двоих открыто уголовное дело: на Лукина Тимофея (г. Улан-Уде в/ч 92723-Х) и Педереева Виктора (г. Горький в/ч 41630). Вибе Петр, служащий в г. Петропавловск-Камчатский в/ч 95792 "Г"; подвергнут истязаниям со стороны солдат по внушению командного состава, так что возникла реальная опасность повторения судьбы Вани Моисеева.

12. "Прекратить преследование издательства "Христианин", его сотрудников и предоставить им легальное положение и содействовать осуществлению их работ в нормальных условиях для удовлетворения духовных потребностей верующих."

Это не вышолнено тоже.

Наоборот, в 1976 году снова изъята литература и оборудование лаборатории издательства "Христианин", попирая закон страны и Хельсинкский договор. До сих пор ничего не возвращено, хотя верующие испыты-

вают большую нужду в духовной литературе и усиленно ходатайствуют.

Но нужды наши не удовлетворяются государством, и преследуется наше издательство, которое содержится на средства верующих. В декабре 1976 года было снова конфисковано 540 Евангелий, предназначенных для верующих ЕХБ. Евангелия были сняты с машины брата Наприенко В.Е. в селении Аргудан Кабардино-Балкарской АССР.

Это вопиющее преступление, идущее в явное противоречие с Конституцией СССР, ст. 125, которая гласит:

”В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова;
- б) свобода печати;
- в) свобода собраний и митингов;
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права гражданам обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для осуществления.”

Вы издали этот закон. Почему же он Вами не исполняется в отношении верующих?

У них есть духовные запросы. ”Не хлебом единым будет жить человек”.

I . 1976 год отмечен тем, что в нашей стране взят особый курс прямого физического уничтожения верующих. Мы не знаем, при каких авариях погибают министры, но то, что многие верующие погибли по специальному заданию особого отдела при органах КГБ, это явно и совершенно доказано фактами. Повторяется судьба Вани Моисеева, Николая Хмары, Ивана Библиенко, Николая Дейнега, но Господь видит. Это убийство может катастрофически возрасти, если не будет немедленного вмешательства с вашей стороны, как ответственных лиц перед Богом и всем миром за судьбы Его народа здесь на земле.

Мы уже упоминали выше об угрозах, которые бросаются христианам различными представительными лицами, о явных покушениях на жизнь Майера Я. и других, и мы категорически заявляем вам, что мы уже имеем полное основание объявить всему миру о том, что в нашей стране совершается геноцид.

II. Кроме того, в 1976 году много усилий сделано властями с целью отнятия детей.

Мы также заявляем вам о том, чтобы прекратили преследовать детей верующих родителей и гарантировали детям христиан право жить с их родителями и родителям обеспечили права воспитывать детей в христианском духе.

Нарушение этого права мы рассматриваем также как проявление геноцида в нашей стране.

В феврале 1976 года Совет родственников узников претерпел грабеж, устроенный органами КГБ. На виду у всего народа и милиции со-

вершенно открыто была выхвачена сумка с пишущей машинкой и документами Совета родственников узников.

Подобное преступление по существующему кодексу классифицируется как грабеж.

В мае месяце как ответ на наше новогоднее обращение одновременно в нескольких городах Советского Союза начались допросы Членов Совета родственников узников с угрозами и требованиями прекратить свою деятельность, т.е. ставить в известность Церкви в нашей стране и всего мира о происходящих беззакониях властей в отношении верующих. Прекратить всякие ходатайства за терпящих скорби, лишения, гонения, преследования и за всех узников. Подобное требование выполнить было невозможно. Это заявлено в ответном письме Совета родственников узников ЕХБ правительству в 1976 году.

1976 год отмечен усиленным внедрением законодательства о религиозных культах путем насильственного навязывания регистраций отделившихся ранее Церковью ЕХБ, минуя духовный центр — Совет Церквей.

Руководителей некоторых Церквей удалось обмануть, и Церкви были зарегистрированы (Киевская, Дедовская Московской обл., Харцизская Донецкой обл., Черниговская и др.), чтобы способствовать сохранению в силе богопротивного законодательства о культах, это дало горькие плоды еще больших трудностей в вопросе нормализации отношений между Церковью ЕХБ и государством. Руководители Церкви, которые непоколебимо стоят в истине, не желая принимать на себя пагубную регистрацию на условиях регламентируемого в нашей стране законодательства [подвергаются] преследованиям. Руководителей и рядовых верующих штрафуют и судят на суровые сроки. Молитвенные собрания разгоняются милицией, дружинниками, депутатами.

Совет родственников узников ЕХБ обращается к Вам и предлагает 1977 год, как год 60-летнего юбилея Советской Власти, ознаменовать справедливым отношением к Богу и Его народу.

Для этого вновь предлагаем пересмотреть новогоднее обращение 1976 года.

Считаем себя обязанными заострить Ваше внимание на следующих мерах, необходимых с Вашей стороны для урегулирования положения верующих ЕХБ в нашей стране, учитывая и все пункты, изложенные в обращении, которые остаются в силе, как невыполненные Вами.

1. Немедленно отменить пагубное, прежде всего для Вас и для нас, Законодательство о Культах 1929 года.

2. В статью 124 Конституции СССР внести поправку, дающую право свободы верующим наравне с атеистами.

3. Освободить всех узников ЕХБ из лагерей и ссылок с полной их реабилитацией, в том числе и Членов Совета Церковью ЕХБ Винса Георгия Петровича и Румачика Петра Васильевича, а также всех старцев: Поламарчука О.А. (1900 г. рожд., г. Одесса), находящегося в данное время в ссылке в Тюменской области с. Ухват; Шоха П.М. (1909 г. рожд., г. Саки), находящегося в лагере Днепропетровской обл. ЯЕ 308/45-5; Серебрян-

никова П.А. (1900 г. рожд., Азербайджанская ССР), находящегося в Учр. УА 38/1 г. Баку.

А также освободить всех женщин, осужденных за слово Божие.

4. Возвратить изъятую духовную литературу, в том числе и 540 Евангелий, изъятых 3 декабря 1976 года у Наприенко В.Е., и оборудование издательства "Христианин".

5. Прекратить угрозы верующим и посягательства на их жизнь, прекратить травлю общественности против верующих в прессе, лекциях, беседах. В частности, прекратить преследование и гарантировать свободу членам Совета родственников узников ЕХБ.

6. Прекратить убийства верующих.

7. Гарантировать детям верующих родителей право жить с их родителями, а родителям гарантировать право воспитывать своих детей в духе веры в Бога. Также прекратить навязывать нашим детям всевозможные безбожные организации.

8. Освободить всех осужденных военнослужащих-христиан и немедленно закрыть повсеместно открытые уголовные дела на военнослужащих за отказ от дачи клятвы (принятия присяги) по христианским убеждениям и прекратить всевозможные издевательства над ними.

9. Предоставить возможность Совету Церквей ЕХБ свободно осуществлять свое служение перед Богом и Церковью, т.к. он является единственным духовным центром в нашей стране, вполне удовлетворяющим духовные запросы христиан-баптистов и действующим в соответствии со Словом Божиим. Прекратить слежку и преследование служителей Членов Совета Церквей Крючкова Г.К., Минякова Д.В., Хорева М.И., Храпова Н.П., Антонова И.Я., дать им возможность свободно проживать в своих семьях и находиться полностью на духовном служении.

В связи с этим освободить из заключения служителя Киевской Церкви ЕХБ и Секретаря Совета Церквей ЕХБ Винса Георгия Петровича, а также и Румачика Петра Васильевича.

Как и в прошлом новомодном обращении, мы и в этом году просим ради благополучия всей страны: отнеситесь серьезно к положению народа Божьего в нашей стране и предупреждаем о том, что всем Вам и нам надлежит предстать пред судом Божиим.

Да умудрит Вас Господь принять разумное решение в отношении верующих в нашей стране в наступившем году.

24.01.1977 г.

*Совет родственников узников ЕХБ,
осужденных за Слово Божие в СССР.*

По поручению подписали:

1. Андрющенко Н.	г. Ворошиловград
2. Рыткова Г.Ю.	г. Краснодар
3. Мелашенко А.Н.	г. Северск
4. Домбровская	г. Саки
5. Рыжук Л.И.	г. Москва
6. Бондарь Л.Т.	г. Краснодар
7. Полушина В.А.	г. Ворошиловград
8. Румачик Л.В.	г. Москва
9. Германюк У.	г. Лисичанск
10. Винс Л.М.	г. Киев
11. Вильчинская З.Я.	г. Брест

ПОСЛЕ "ХАРТИИ – 77"*

Границы воздействия страха и проблема морали в политике

В современной Чехословакии политическая власть прекрасно знает, на чем она держится. Наступившая после насильственного подавления политической линии 1968 года полнейшая дезиллюзия создала благоприятные условия для того, чтобы люди начали искать выход из создавшегося положения в своеобразном соглашении с властью: в области общественной жизни население подчиняется требованиям выработанной рутины и соглашается с тем, что делает власть, а власть — со своей стороны — позволяет людям жить аполитично, в материальном отношении довольно сносно и не очень беспокоит их. Если же кто-нибудь хочет получить большие выгоды от власти, то за это он должен и более преданно служить ей. Власть позволяет людям даже думать, что они хотят, но высказывать этого вслух не разрешает. Такое положение в Чехии не ново; напротив, оно исторически привычно.

Но для обеспечения такого "соглашения", для обеспечения послушания граждан необходим *страх*. Страх, что при каждом нарушении подобного "соглашения" нарушивший его будет наказан: потеряет работу, заработок, да и не только он, но и его семья.

Граждане понимают, что такого рода "соглашение" с властью ничего общего с моралью не имеет. Но в нормальных, относительно спокойных будничных условиях такие проблемы решаются за счет морали, в интересах удовлетворения материальных потребностей. Это не заслуживает похвалы, но не представляет собой и чего-то невиданного и чрезвычайного ни в настоящее время, ни в прошлом. И уж тем более в Чехии.

Истеричная кампания против "Хартии-77" пошатнула и этот фундамент "нормализованной" политической власти. Потому что существенной стороной этого фундамента является то, что

---

* Отрывки из статьи "Политическая ситуация в связи с "Хартией-77".

граждан оставляют в относительном покое, что за свою личную жизнь они должны платить привычную, заранее согласованную дань: присутствие на собраниях, участие в демонстрациях, пассивное согласие с различными действиями властей, вступление в массовые организации, участие в формальных выборах и т. д. Но введение "чрезвычайных оброков" — дело очень рискованное, так как потенциально нарушает уже привычное равновесие: ни с того, ни с сего с граждан требуют большего, ничего взамен не предлагая.

То, что в существующих условиях под "Хартией-77" полным именем подписалось более трехсот человек (в настоящее время их уже более пятисот), уже само по себе ставит под угрозу тот внутренний компромисс, который характеризует отношения каждого, живущего по упомянутому "соглашению" с властью гражданина. "Хартия" — это вызов компромиссу. И даже если некоторые граждане сочтут это вызовом сумасшедших, мечтателей, людей нереалистичных или людей, которым уже нечего бояться, потому что им нечего терять, — это все же вызов. Некоторые люди вообще недовольны появлением "Хартии", так как она выводит их из состояния равновесия. Но абсолютно все, живущие по "соглашению" с властью, недовольны тем, что власть раздувает их внутреннюю проблему до крайности, заставляя осудить "Хартию-77" и ее сторонников. Более того, власть требует такого осуждения, не обещая ничего, кроме сохранения уже существующего статус-кво. А для торгашеской морали, по которой живет значительное количество людей, в этом "соглашении" с властью такая сделка кажется нечестной.

Способный политик любыми средствами попытался бы избежать неосторожного вмешательства в "соглашение" с населением. Особенно в ситуации, когда — желает он этого или нет — ему приходится постоянно повышать оброк за рутину, когда ему приходится потихоньку повышать цены и когда — как у нас говорят — "мы не можем избежать последствий некоторых кризисных явлений в мировом капиталистическом хозяйстве".

Но несмотря на все это, в политическом шабаше вокруг "Хартии-77" власть потеряла чувство меры и начала сбор подписей трудящихся против "Хартии". Быть может, власть на практике хотела проверить действенность страха. Быть может, кто-то хотел усилить его воздействие. Быть может, какой-нибудь край-

ний сектант совершенно рехнулся, решив, что и народ думает, как он. Но по каким бы причинам ни началась эта акция, результат ее не только не благоприятен для власти, а напротив — вызвал множество совсем нежелательных для нее последствий.

Оказалось, во-первых, что в нашем обществе куда с большим отвращением относятся к тому, чтобы с ним обращались, как со стадом, чем можно было предполагать. В нем куда чаще начали раздаваться голоса, требующие ознакомления с текстом "Хартии-77", до того как будут подписаны осуждающие этот документ резолюции. И эти требования заставили власть отказаться от первоначального намерения: заставить людей подписать резолюции индивидуально. Так что в результате от имени десятков, сотен или тысяч трудящихся подписывались "ячейки" — руководство предприятия, организация КПЧ, профком и т. п.

В моем распоряжении нет статистических данных о т. н. "сборе подписей". Может быть, такого рода данные есть у власти, и пусть она их анализирует. Но одно несомненно: на заводах среди рабочего класса форма индивидуальных подписей не привилась. Рабочий класс был представлен "ячейками" и "избранными представителями". Но на других предприятиях (в том числе и в колхозах) такого рода "сбор подписей" не был проведен. И только в тех учреждениях и институтах, где работа людей непосредственно зависит от административных центров власти, только там подписывались индивидуально. Но в этой среде работает так много людей, которые на протяжении последних тридцати лет подписали множество различных деклараций о верности самым разнообразным политическим направлениям, что цена всех этих и будущих проявлений лояльности, с политической (а тем более с моральной) точки зрения, сводится фактически к нулю.

Принуждение людей подписаться под резолюцией против "Хартии" вызвало дополнительные нежелательные последствия. Во-первых, и в непроизводственных организациях многие отказались поставить свою подпись. Тем самым значительно расширился круг людей, которые бросили вызов гражданам, живущим в "согласии" с властью. И этот вызов бросили их знакомые, сотрудники. А те, кто подписал документ против "Хартии" под давлением, почувствовали себя униженными. Их подпись — это пятно на совести, и это пятно вызывает у них скрытую, но глу-

бокую ненависть к тем, кто унизил их, унизил перед собственной совестью, перед детьми, сотрудниками и перед широкой общественностью (в случае, когда их имена были опубликованы в официальной печати).

Таким образом, с политической точки зрения поименная кампания сбора подписей против "Хартии-77" принесла весьма значительный успех. Но провалов было много. Попытавшись проверить воздействие страха, власть вынуждена теперь признать — если она вообще способна объективно оценить положение — что воздействие страха меньше, чем казалось. На промышленных предприятиях власть сама отступила, стараясь не волновать чересчур людей. Но в результате этой кампании возросла до сих пор скрытая неудовлетворенность и тех, кто готов был жить в соответствии с "соглашением" о размежевании общественной и личной жизни.

А если говорить об ущербе, нанесенном морали и совести людей во время кампании, то последствия ее еще хуже. Как правило, когда сильный преследует слабого и беспомощного, цивилизованный человек становится на сторону преследуемого. Это нужно иметь в виду и в политике, независимо от того, кто и за что преследуется. И если добавить, что в сознании всего народа четко зафиксировано, что преследуемая группа "Хартии-77" наказывается за то же самое, что думают (но боятся сказать вслух) почти все, то проигрыш власти в кампании против "Хартии-77" совершенно очевиден.

Официальная кампания против "Хартии" придала этой петиции, этому протесту размеры, в которых всюду проступают контуры 1968 года. У страха глаза велики. Но с морально-политической точки зрения, власть помогла оживить всенародную трагедию — август 1968 года. Я не буду утверждать, что власть получит за это награду от тех, кто совершенно не заинтересован (и с их точки зрения это весьма разумно) в каких-либо напоминаниях. Но для страны чрезвычайно важно, что кампания против "Хартии" связала поколения и критические течения, течения политически абсолютно различные; течения, опирающиеся на совершенно противоположные мировоззрения.

Молодежь очень интересуется "Хартией". Можно даже сказать, что "Хартия" оказалась первым выступлением критиков существующего в Чехословакии режима, которое вызвало серье-

езный отклик среди молодежи. Сегодняшним молодым людям в августе 68 года было 10-15 лет, и для нынешней молодежи переживания августа не являются внутренне осознанными политическими переживаниями. Кампания же против "Хартии" связывает в сознании молодежи смутные (собственно говоря, детские) личные переживания с проблемами современности, с вопросами, которые молодежь рассматривает сейчас как свои проблемы.

Таким образом, вся эта кампания — больше провал, чем успех. И только в одном случае в связи со сбором подписей можно говорить об успехе власти: это относится к заявлению союзов работников искусства от 28 января. Несостоятельность экстремистских сил оказалась столь очевидной, что внутри политической структуры начали более активно выступать те, кто ориентируется на постепенное, более терпимое, более компромиссное решение (или, может быть, не решение, а разрядку) внутривнутриполитических конфликтов. В этом заявлении союзов работников искусства было опущено слово "ХАРТИЯ — 77". Подписи ставились под сборищем ритуальных политических фраз, не выходящих за рамки того налога, который повседневно, на протяжении многих лет собирает власть. В водопаде этих фраз скромно прячется предложение о презрении ко всем "тем, кто с небывалым чванством, с честолюбивым хвастовством, в эгоистических интересах или даже за мерзкие серебряные готовы оторваться от своего народа"...

И внутри этого предложения констатация того, что "и у нас" нашлась такая группа отщепенцев и предателей. Этот документ является своего рода элегантно оберткой, приспособленной к более утонченному вкусу работников "культурного фронта". Власть вынуждена была пойти на это, чтобы заполучить под заявлением несколько подписей, подписей тех, кто хоть что-то значит в национальной культуре (главным образом в театральном искусстве) независимо от политической конъюнктуры.

* * *

Чего же можно ожидать в будущем?

В первые дни февраля создается впечатление, что власть хотела бы затормозить развернутую в январе кампанию. Может

быть, там, где нужно, и дискутируют — на своем языке — о некоторых из рассмотренных в данной работе проблемах. Но кажется, к сожалению, что исходный пункт власти остается неизменным: не признавать причины, приведшие к возникновению "Хартии", и не решать связанные с этим проблемы. По всей вероятности, власть намерена провести дифференциацию между теми, кто подвергается дискриминации, но молчит, и кто в тяжелые моменты январской кампании выступил с некоторыми заявлениями в поддержку власти, и между неисправимыми, кто постоянно критикует, кто постоянно находится в оппозиции к власти и кто активно защищается. Тем, первым, вероятно, со временем будет оказана милость. Те, вторые, будут постепенно и потихоньку ликвидированы.

И это не преувеличение. Уже в настоящее время вырисовываются методы, при помощи которых власть может осуществить такое решение. Следствием январской кампании является арест четырех человек (среди них и один из официальных представителей "Хартии-77" — драматург Вацлав Гавел); сотни подписавших "Хартию" допрашивались в полиции и находятся под активным наблюдением полицейского аппарата, десятки были уволены с работы (у некоторых увольнение откладывается или в качестве наказания их переводят на худшую работу и т. д.); с работы увольняют и тех, кто хоть и не подписал "Хартию-77", но отказался подписать заявление против "Хартии", не прочитав ее; у людей, подписавших "Хартию", были незаконно отобраны шоферские права или документы о проведенном техническом осмотре их автомобилей; изыскиваются самые различные формы административного преследования членов их семей. Все это, вместе взятое — если такая линия поведения властей утвердится — явится и в дальнейшем дискриминацией и может заставить людей попросить убежища в Австрии. После 1970 г. наши власти уже продемонстрировали, на что они способны, если пойдут в направлении более жестоких преследований.

Смешно сомневаться в том, что власти не в состоянии осуществить свои угрозы. И не впервые было бы и то, что люди, приведшие в движение темные скрытые силы, сами тяжело попятятся за это. Но ясно и то, чего властям уже не добиться: власть не может смести с поверхности земли внутривнутриполитические и международные последствия этого движения. И с точки

зрения долговременной перспективы все-таки кажется вероятным, что власть попытается решить некоторые поднятые "Хартией-77" проблемы. В столкновении двух тенденций внутри политической власти, по моему мнению, будет ослаблена позиция крайней тенденции, вследствие чего укрепитя тенденция более рациональная. Хотя бы потому, что независимо от "Хартии" возникнут проблемы, решение которых окажется неотложным, и это прежде всего проблемы экономические. В том же направлении, с точки зрения долговременной политики, будет влиять и международное развитие, включая перспективные интересы советской политики.

И как только все эти влияния проявятся как конкретное политическое давление, настанет, по всей вероятности, положение, когда в сфере власти необходимо будет провести и персональные изменения. Приедут, наверное, новые эмиссары, которые освободят кое-какие номенклатурные места во внутривластной иерархии для новых кадров. Возможно, кто-то переедет из Праги в Братиславу и наоборот; возможно, кто-то перейдет из партийного аппарата в государственный или профсоюзный — и т. д. и т. п. — все это уже знакомо и нудно и всегда повторяется в такого рода ситуациях.

Но до того, как это произойдет, нельзя исключить и кое-какие случайности. Власть все еще думает, что все зависит от ее решений. Власть вовсе не принимает во внимание, что принимать решение — это одна из возможностей человека даже тогда, когда его лишают работы, шоферских прав и Бог знает чего еще. Предполагать, что сторонники "Хартии-77" просто замолчат, что они забудут о своей решимости защищаться против произвола и дискриминации, — это не реальная оценка положения. Так что лучше всего было бы поступить так, как нужно было поступить уже несколько лет тому назад и, самое позднее, месяц назад. И власть имеет возможность выбрать приемлемые для себя методы — деловито обсуждать проблемы, решать их, снижать вызванную дискриминацией граждан напряженность в обществе. Но на это мы можем только надеяться — поверить же в это трудно.

Зденек Млинарж — бывший секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии, активный деятель Пражской весны. После оккупации Чехословакии в 1968 г. работал в Национальном музее, но был уволен и с этой работы, после того как подписал "Хартию-77". В 1977 г. покинул Чехословакию.

PERSONALIA

Людия Воронина

АНАТОЛИЙ ЩАРАНСКИЙ

Анатолий Борисович Щаранский родился 18 февраля 1948 года в г. Донецке. В 1967 г., окончив с отличием среднюю школу, поступил в Московский физико-технический институт. Успешная дипломная работа (разработка программы Эндшпиля), казалось, открывала Щаранскому прямую дорогу в аспирантуру, но руководство института уже знало о слишком смелых политинформациях, которые он читал студентам (как зав. идеологическим сектором в комитете комсомола). Конкретно А. Щаранскому вменили в вину то, что он вывесил на стенде для всеобщего обозрения перевод статьи из "Морнинг Стар" о Сахарове, выполненный им самим.

Отказавшись от ряда очень перспективных, интересных и выгодных предложений при устройстве на работу (условие — никаких мыслей об Израиле, а мысли были самые серьезные), А. Щаранский стал младшим научным сотрудником затрапезного института ВНИИнефть в Москве, где занимался в основном политическим просвещением коллег, так как в его работе по специальности институт не нуждался: хоть и были тогда повсеместно внедрены АСУ, которые дали приют многим выпускникам-математикам, однако объективная информация о производстве парткому была не нужна.

В 1973 г., получив отказ в разрешении на выезд в Израиль из-за "секретного" места учебы, А. Щаранский становится в ряды тех, кто активно борется за право эмиграции. За участие в мирных демонстрациях протеста ("Визы вместо тюрем", "Свободу узникам Сиона") неоднократно осуждался по обвинению в хулиганстве на 15 суток.

В 1974 г. он женился на Наташе Штиглиц. История их свадьбы сама по себе и очень романтическая, и очень печальная. Перед приездом Никсона в Москву А. Щаранского (в числе многих других еврейских активистов) власти упрятали в тюрьму

на 15 суток, опасаясь нежелательных "неожиданностей", а его невесте дали в это время разрешение на выезд. Срок визы был строго определен, и никакими уговорами, просьбами и требованиями его нельзя было продлить: или уезжайте в две недели, или не уезжайте. После отсидки Щаранским 15 суток оставался один день, чтобы сыграть свадьбу. На следующий день Наташа должна была уезжать.

В 1974-1976 гг. А. Щаранский превращается из "простого" еврейского активиста в незаменимого человека для алии. Самостоятельно еще в институте изучив английский язык ("надо же было понимать "Голос Америки"), сейчас он становится настоящим spokesman'ом алии. О событиях, которые случались с евреями в Советском Союзе: новые незаконные отказы в выезде, спровоцированные судебные преследования, антисемитские кампании и пр., мировая общественность узнавала из уст Щаранского.

Он помогал также евреям, желающим выехать из СССР, связываться с родственниками в Израиле, организовывал материальную помощь семьям отказников в Москве и в других городах. Он помогал составлять бесчисленные прошения, обращения, жалобы во все советские инстанции людям, лишенным человеческих прав. Он ездил в Киев, Одессу, Минск по просьбе людей, которые обращались к нему за помощью. Он принял непосредственное участие в организации кампании в защиту доктора М. Штерна, осужденного в 1975 г. на 8 лет за "взяточничество" из-за его намерения покинуть СССР. По иронии судьбы А. Щаранский арестован в тот же день, когда был выпущен из лагеря М. Штерн. В 1976 г. А. Щаранский ездил к жителям села Ильинка, которых не отпускали в Израиль из-за того, что "в колхозе тогда некому работать будет". Он заботился о своих друзьях в ссылке, навещал их — Марка Нашпица в селе Тупик Читинской области и Бориса Цитленка в Енисейске, Красноярский край.

При такой колоссальной загруженности общественными делами А. Щаранский не оставлял научных занятий. Им прочитан ряд специальных докладов на семинарах проф. Лернера и проф. Азбеля, а также доклад о событиях в Энтебе по источникам американской, английской и израильской прессы на семинаре у А. Мая — Ф. Камова-Канделя, доклад, который вызвал

огромный интерес у людей самых разных убеждений, специальностей и возрастов. Его пришлось повторять несколько раз, настолько он был живой, содержательный и вдохновенный.

На протяжении почти четырех лет своего "отказничества" А. Щаранский изучал иврит, а сам учил многих английскому языку, математике и физике. Уроки – это был способ зарабатывать деньги на жизнь.

Будучи человеком очень широких взглядов, А. Щаранский понимал, что решение проблем еврейской эмиграции невозможно без борьбы за общую демократизацию политического режима в СССР, т.е. без борьбы за соблюдения прав человека в СССР. А. Щаранский – один из тех, кому принадлежит идея создания Общественной группы по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений в СССР. В мае 1976 г. такая группа была создана в Москве. А. Щаранский стал ее членом. С кем только не приходилось встречаться ему за это время: украинцы, месхи, крымские татары, пятидесятники, католики, баптисты, простые рабочие, семьи политических заключенных, люди, измученные многолетней борьбой за выезд... Всем он помогал и ... переводил, переводил, переводил сутками. Он рассказывал все, что ему говорили люди, всю правду о бедах, трагедиях, проблемах всех, рассказывал всем, кто с ним встречался: корреспондентам, руководителям зарубежных общественных организаций, которые приезжали в Москву, туристам, ученым, сенаторам и конгрессменам. Теперь А. Щаранский переводил не только с русского на английский и с английского на русский, но и с украинского на русский и английский.

15 марта 1977 г. после статьи Липавского в "Известиях", где А. Щаранский обвинялся в соучастии с ЦРУ, он был арестован и содержится сейчас в Лефортовской тюрьме. Недавно стало известно, что он обвиняется по ст. 64-а УК РСФСР (измена Родине).

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

*Для служебного пользования
экземпляр №*

И н с т р у к ц и я

Министерства Здравоохранения СССР
от 26 августа 1971 г. № 06-14-43
(Согласована с Прокуратурой СССР и МВД СССР)

Необходимость предупреждения опасных действий психически больных требует в ряде случаев стационарирования их в психиатрических учреждениях, в порядке осуществления специальных мер профилактики, возлагаемых на органы здравоохранения статьей 36 Основ законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении.

В соответствии с этим:

1. При наличии явной опасности психически больного для окружающих или для самого себя органы здравоохранения имеют право без согласия родственников больного, его опекунов или иных окружающих его лиц (в порядке неотложной психиатрической помощи) поместить его в психиатрический стационар.

2. Показаниями для неотложной госпитализации является общественная опасность больного, обусловленная следующими особенностями его болезненного состояния:

а) неправильное поведение вследствие острого психического состояния (психомоторное возбуждение при склонности к агрессивным действиям, галлюцинации, бред, синдром психического автоматизма, синдромы расстроенного сознания, патологическая импульсивность, тяжелые дистрофии);

б) систематизированные бредовые синдромы, если они определяют общественно опасное поведение больных;

в) ипохондрические бредовые состояния, обуславливаю-

щие неправильное, агрессивное отношение больного к отдельным лицам, организациям, учреждениям;

г) депрессивные состояния, если они сопровождаются суицидальными тенденциями;

д) маниакальные и гипоманиакальные состояния, обуславливающие нарушение общественного порядка или агрессивные проявления в отношении окружающих;

е) острые психотические состояния у психопатических личностей, олигофренов и больных с остаточными явлениями органического повреждения головного мозга, сопровождающиеся возбуждением, агрессивными и иными действиями, опасными для себя и для окружающих.

Перечисленные выше болезненные состояния, таящие в себе несомненную опасность для самого больного и общества, могут сопровождаться внешне правильным поведением и диссимуляцией. В связи с этим необходима сугубая осторожность при оценке психического состояния таких лиц, чтобы, не расширяя показаний к неотложной госпитализации, вместе с тем своевременным стационарированием предотвратить возможность совершения общественно опасных действий со стороны психически больного.

3. Не являются показаниями к неотложной госпитализации в психиатрические стационары состояния простого, хотя бы и тяжелого алкогольного опьянения, так же как и состояния интоксикации, вызываемые другими наркотическими веществами, за исключением острых интоксикационных психозов и психотических вариантов абстинентных состояний.

Не могут служить показаниями к неотложной госпитализации аффективные реакции и антисоциальные формы поведения лиц, не страдающих психическими заболеваниями, а обнаруживающих лишь такие психические аномалии, как психопатические черты характера, невротические реакции, нерезко выраженные последствия травмы черепа и т.д.

В тех случаях, когда общественно опасное поведение лица вызывает подозрение о наличии у него психического расстройства, но последнее не является очевидным, такое лицо не подлежит неотложной госпитализации.

Указанные лица, задержанные в связи с общественно опасным поведением органами, обеспечивающими охрану правопорядка, подлежат направлению на экспертно-психиатрическое ос-

видетельствование в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

4. Неотложную госпитализацию непосредственно осуществляют медицинские работники по указанию врачей-психиатров, на которых органами здравоохранения возложены функции помещения больных в психиатрические больницы (врачи неотложной помощи, психоневрологических диспансеров и др.).

В районах, где отсутствуют психиатрические учреждения, неотложную госпитализацию могут проводить те врачи общей медицинской сети, которые обычно осуществляют там оказание помощи психическим больным. При этом больной должен быть немедленно отправлен в ближайшую психиатрическую больницу.

При неотложной госпитализации врач, направляющий больного, обязан подробно изложить обоснование медицинских и социальных показаний к неотложной госпитализации, указав в заключении место своей работы, должность, фамилию и время направления.

5. Местные органы внутренних дел (милиция) обязаны оказывать содействие медицинским работникам, при их обращении, в неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность, в случаях:

а) возможности ими сопротивления*, проявления агрессии и др. действий, угрожающих жизни и здоровью медицинских работников, или при попытках скрыться от них.

б) оказания сопротивления со стороны родителей, опекунов и др. лиц в госпитализации больного.

6. В психиатрическом учреждении госпитализированный больной в течение суток должен быть освидетельствован специальной комиссией в составе 3-х врачей-психиатров, которая рассматривает вопрос о правильности стационарирования и определяет необходимость дальнейшего пребывания в стационаре, что документируется в истории болезни за подписью всех членов комиссии. В случае несогласия одного из врачей, он может написать свое особое мнение.

О госпитализации больного информируются его ближайшие родственники не позднее суток после освидетельствования больного комиссией.

---

* Здесь замечание переписчика: "так в тексте!"

7. Госпитализированные в психиатрические учреждения больные помещаются в отделения в соответствии с их психическим состоянием для проведения активного лечения и подлежат обязательному (не реже одного раза в месяц) переосвидетельствованию комиссией в составе трех врачей-психиатров для решения вопроса о необходимости дальнейшего пребывания в больнице, что также документируется ими в обязательном порядке.

При улучшении психического состояния больного или такого изменения клинической картины заболевания, при которой общественная опасность больного устраняется, комиссия врачей дает письменное заключение о возможности выписки больного. Выписка такого больного производится на попечение родных или опекунов, договоренность с которыми должна быть предварительно обеспечена.

8. Если больной, подлежащий по медицинским показаниям выписке из больницы, находится в состоянии, при котором он не может быть предоставлен самому себе и не имеет постоянного места жительства и близких, обязанных осуществлять о нем заботу, он может быть выписан из больницы только после учреждения над ним опеки.

9. О выписке больного психиатрическая больница заблаговременно информирует психоневрологический диспансер, где такие больные должны находиться на особом учете, подвергаясь в необходимых случаях систематическому лечению.

10. Главные врачи лечебных психиатрических учреждений должны осуществлять систематический контроль за выполнением положений, предусмотренных настоящей инструкцией.

11. Инструкция от 10 октября 1961 г., № 04—14/32 — утратила силу.

О НОВЫХ МЕРАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

1. 8 февраля 1977 г. Президиум Верховного Совета СССР издал ряд указов, действительных начиная с 1 апреля с.г. Три из них, за номерами 116, 117 и 120, устанавливают новый порядок применения мер административного взыскания взамен уголовного наказания. Эти меры — штраф в размере до 50 руб., исправительные работы по месту работы и арест на срок до 15 суток; в каждом случае может быть применена только одна из них, при наличии правонарушения со стороны обвиняемого.

Статья 43 ОУЗ СССР и ССР (Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) говорит о возможности освобождения обвиняемого от уголовной ответственности в случае признания того, что его деяние или он сам утратили общественную опасность. Теперь эта статья пополнена возможностью освобождения его от уголовной ответственности и по мотивам признания возможности достичь исправления и перевоспитания более мягкими мерами — а именно, одной из упомянутых мер административного взыскания, или передачей дела в товарищеский суд*, или передачей обвиняемого "на поруки организации или коллектива трудящихся, или же, в случае несовершеннолетия обвиняемого, передачей его дела в комиссию по делам несовершеннолетних".

"Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности допускается лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое, более мягкое наказание".

Таким образом, это смягчение ответственности не относится к делам о государственных преступлениях или, скажем, к делам по статьям 190-1 — 190-3 УК РСФСР, но оно относится к делам о нарушении паспортного режима, о сопротивлении милиционеру или дружиннику при задержании, об оскорблении тех же лиц, о нарушении правил въезда в пограничную зону, о нарушении тайны переписки и неприкосновенности жилища, о незаконном увольнении, о плагиате и заведомо незаконном аресте, о даче заведомо ложных показаний без отягощающих вину обстоятельств, об отказе от дачи показаний, о побеге с места ссылки или о возвраще-

---

* Одновременно принято Постановление ПВС "О дальнейшем совершенствовании деятельности товарищеских судов".

нии высланного в запрещенные ему для проживания места, а также о рядовых случаях хулиганства (по делам, о которых упразднено правило о применении взятия под стражу в качестве обычной меры пресечения) и др.

Дела о наложении в соответствии с этими указами административного взыскания решаются судьей единолично, с участием привлекаемого к взысканию лица. Участие адвоката не предусмотрено. Указ за номером 120 вводит в Основы уголовного судопроизводства статью 5-1 о возможности прекращения производства по уголовному делу в связи с применением более мягких форм ответственности, перечисленных выше (при изложении того, чем пополнена статья 43 ОУЗ).

Судья рассматривает дела о наложении административного взыскания в десятидневный срок с момента их поступления в суд или прекращения уголовного дела в распорядительном заседании суда.

В статью 34 ОУС СССР и ССР (Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик) внесено изменение: содержание под стражей в качестве меры пресечения допускается по делам, связанным с возможностью лишения свободы на срок не свыше одного года, лишь в исключительных случаях.

Судебная практика предыдущих лет была богата случаями плохо обоснованных уголовных преследований по ст. 206 УК РСФСР (хулиганство) и по соответствующим статьям других союзных республик. Теперь, по-видимому, эта практика будет смягчена в отношении дел, связанных с применением только первой части этой статьи. Но практика включала также и случаи необоснованного применения второй части этой статьи о "злостном" хулиганстве с отличительными признаками в виде "исключительного цинизма или особой дерзости". Ничто не мешает этой практике продолжаться.

Наиболее существенным из рассмотренных изменений в законодательстве представляется отмеченное выше смягчение правила о применении содержания под стражей в качестве меры пресечения. Практика произвольного усмотрения "исключительности" случая была до сих пор хорошо освоена властями только в отношении дел с обвинениями более грозными, чем те, по которым наказание не может превышать одного года лишения свободы.

* * *

В условиях военной службы меры административного взыскания явно должны быть видоизменены. Конечно, и не военнослужащий может так или иначе соучаствовать в преступлениях, о которых идет речь, — но в судебной практике такие случаи, скорее всего, редки. Можно ожидать дополнительного указа, видоизменяющего или пополняющего характер административных взысканий, применяемых к военнослужащим. В противном случае вряд ли эти смягчения наказаний распространятся на жизнь в армии.

Статья о хулиганстве нередко применяется к демонстрантам и стихийным ораторам. Теперь, в серьезных случаях этого рода, чаще будет применяться вторая часть статьи (с санкцией до пяти лет), хотя в суде будут иногда смягчать формулировку обвинения и применять первую часть.

Так как применение смягченных форм преследования будет зависеть, главным образом, от милиционеров и следователей, то, вероятно, чаще будут происходить "сделки" обвиняемых с последними за счет других соучастников процесса и сходные явления в судах. Приходится особенно опасаться за участь тех обвиняемых, которые отвергнут эти "сделки". Самая квалификация содеянного (как известно, не всегда обвиняемым и не всегда в действительности) по одной из этих мягких статей часто будет служить или казаться предложением такой "сделки". При такой возможности можно опасаться и скороспелого выбора следователем обвиняемых по мелким делам, трудно поддающимся раскрытию.

В других случаях заботы о статистике будут вызывать это смягчение преследований. В целом, указы вызовут смягчение государственной политики в отношении большинства видов более мелких преступлений. Но это смягчение будет сопровождаться ударами по тем, кто при более свободных условиях общественной жизни вообще остался бы в стороне от преследований, и по многим неуступчивым обвиняемым, считающим себя невиновными. Но преждевременно судить о более широких социальных последствиях этих смягчающих преследования указов, пока не выяснится, как и насколько часто они применяются на практике.

Бостон, 6 июня 1977

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ СССР

А. Вольпин

О ПРОЕКТЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР

Хотя я эмигрировал из СССР, я считаю своим правом и долгом принять участие в обсуждении этого Проекта. Принимая Конституцию, законодатель должен учитывать и то, какие ее особенности могут побудить часть граждан покидать страну. Человек не перестает быть русским или евреем от переезда в другую часть света, а гражданская правоспособность исчезает по советскому закону лишь в случае смерти, но не эмиграции или хотя бы лишения гражданства.

Интересно отметить, что в конце главы 6 Проекта речь идет о правах иностранцев и лиц без гражданства в СССР. Но право убежища почему-то предоставлено только иностранцам – как будто за пределами СССР преследования не могут быть сопряжены с лишением гражданства.

Обсуждаемый Проект во многом схож с действующей Конституцией, которая долгое время называлась "сталинской". Если бы сталинская Конституция удовлетворительно соблюдалась, СССР автоматически был бы страной, уважающей права человека и не побуждающей его сплошь да рядом искать удовлетворения своих прав за ее пределами. То же самое, правда, с большим числом оговорок, можно сказать и о новой Конституции, как она представлена в Проекте.

И я начну с важнейших оговорок.

Новая Конституция, как и действующая, не содержит признания свободы передвижения как в пределах страны, так и через ее границу. Это – шаг назад по сравнению с Основным законом Российской Империи последнего десятилетия ее существования. Шаг тем более опасный, что именно отсутствие свободы передвижения вызвало в России в XVII веке установление крепостной зависимости и причинило немалые жертвы в советское время. Судьба этой важной свободы поставлена в СССР от степени влияния Международного пакта о гражданских и политических правах. В настоящее время СССР связан этим Пактом, но будущее этой связи зависит, в частности, от будущего влияния ООН.

Этого я считаю недостаточным. Содержащееся в упомянутом Пакте признание свободы передвижения следовало бы отразить в новой Конституции.

Проект чрезмерно связывает предоставление прав и свобод с исполнением обязанностей. Выходя в этом вопросе далеко за пределы естественного, Проект, посредством 62-ой статьи, обязывает каждого гражданина "охранять интересы советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета".

Этим недвусмысленно выражен авторитарный характер государства. Что же остается делать в такой стране тем ее честным гражданам, которые избегают преклонения перед любыми авторитетами, и тем, для кого авторитет должен быть никак не связан с могуществом?

Должен ли будет каждый из них стремиться к утрате гражданства и будет ли предоставляться такая возможность. Между тем, при развитии культуры в соответствии с главой 3-ей и особенно статьей 20-й Проекта такие граждане неизбежно должны появляться. Государство объявлено "общенародным" – значит, формулировки обязанностей должны принимать во внимание и основные черты критически настроенных личностей, много их в обществе или мало. В соответствии с идеалом: "Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех", *об отмирании государства* должна была бы идти речь в новой Конституции, а не об "укреплении его могущества и авторитета".

И что может выиграть авторитет государства от того, что забота о нем вменена в обязанность буквально каждому гражданину – включая каждого пойманного и не пойманного ворюшку и каждую уличную девку, которых ведь не лишают гражданства?

Я считаю, что слова об этой обязанности как всеобщей должны быть исключены из Проекта.

При перечислении средств, обеспечивающих свободы, в статье 50 Проекта упоминаются "печатать, телевидение и радио". Я считаю, что Конституция, составляемая в последней четверти двадцатого века, должна относиться к этим средствам и ксерографию, и другие достижения в области множительных машин. Об этих достижениях речь должна была бы идти и в статье 46 Проекта.

Проект относит к ведению Союза ССР и его правительства "определение основных направлений научно-технического прогресса" (статья 72, пункт 5) и "проведение единой политики в области науки и техники" (статья 130, пункт 1). Эти функции по своему существу не могут разумно выполняться никем, кроме ученых, – а многообразие взглядов свойственно современной науке гораздо больше, чем единство. Даже ученые далеко не всегда могут договориться об "определении основных направлений" своих наук – общественные же деятели и организаторы могут договариваться самое большее о распределении средств, отпускаемых на развитие наук и т. п., но это никак нельзя назвать "определением основных направлений". Хотя речь идет о "научно-техническом" прогрессе и об "области" науки и техники, при желании – а таковое может обнаружиться – "единая политика" будет проводиться и в науках, стоящих в стороне от техники, – таких, как биология, математика, философия, физика и астрономия, а с другой стороны – история, лингвистика и искусствоведение. На практике это может осуществляться путем объединения или разделения министерств и других ведомств.

Я считаю, что эти формулировки в статьях 72 и 130 Проекта должны быть изменены. Помимо общего ущерба, который они могут принести развитию культуры, они тяжело отражаются на объеме суверенитета союзных республик.

Ибо – в чем ценность такого суверенитета, который связывает развитие новых направлений в науке – или хотя бы в "области науки и техники" – с решениями по поводу этих направлений в других республиках?

И в других отношениях статья 72 Проекта резко сужает объем суверенитета союзных республик. Союз может вмешиваться в сношения каждой республики с международными организациями. К его ведению будут отнесены не только утверждения (как это имеет место до сих пор и что вполне естественно), но и разработки единого государственного бюджета. Более того, последний пункт статьи 72 Проекта подрывает исчерпывающий характер функций, предоставляемых Союзу Конституцией.

“Суверенитет” союзных республик как таковой даже не упомянут в Проекте новой Конституции – речь идет лишь о “суверенных правах”. Как если бы из качества республики он превратился в свойство тех ее прав, которые охраняются Союзом.

Весьма существенно изменено в Проекте описание общественно-политического строя. С одной стороны, явно и безоговорочно говорится об интеллигенции, и государство объявляется “общенародным”. С другой – за КПСС законодательно закрепляется ее роль “руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, всех государственных и общественных организаций”.

Самое существование такой силы и ядра – короче, монолитность советского общества – описаны в преамбуле к Конституции. Преамбула не устанавливает юридических норм – она в этом Проекте лишь содержит краткий и тенденциозный обзор истории советского общества, описывает его характер и задачи, а также мотивы, по которым “советский народ” принимает эту Конституцию.

Я сейчас не касаюсь вопросов фактической монолитности советского общества. Та, которая есть, установлена не законами – и Конституция не будет нарушена изменением условий, отображенных в ее преамбуле. Если вследствие таких изменений КПСС распадется или утратит свою нынешнюю роль, – лица, способствующие таким изменениям, в силу одного лишь этого обстоятельства не станут преступниками и в том случае, если уголовные законы будут толковаться в соответствии с новой Конституцией. Однако происшедшее конституционное изменение роли КПСС – фактическое внесение ее в Конституцию в качестве “руководящего и направляющего” сословия и политического “ядра” государства – сблизит отвлеченное до сих пор понятие “советской власти” с реальностью и этим существенно расширит возможности юридического обоснования происходящих в стране судебных репрессий. Обоснование в отношении подавляющего большинства дел “политического” характера все же не будет полным, но советская судебная практика охотно довольствуется лишь легкой видимостью такой полноты, и новая Конституция, с помощью статей 6 и 62, будет лучше действующей годиться для создания этой видимости. Если это будет использовано, многие из осуждаемых не смогут избавиться от своих обвинений, хотя сегодня иногда могли бы, и во многих случаях прокуроры и судьи ощутят, что осуждение стало возможным именно благодаря изменениям в Конституции. В связи с этим надлежало бы пересмотреть многие из вынесенных до сих пор обвинительных приговоров и дел о направлении на принудительное лечение. Этим подводится

новая важная база под требования правозащитных деятелей в СССР об амнистии "политических заключенных".

Присшедшие в советской Конституции изменения не вызовут резко заметных изменений в повседневной жизни страны. Они лишь закрепляют давно сложившиеся в СССР отношения между государством, обществом и личностью. Но эти изменения – если Проект будет принят без существенных поправок – вызовут постепенный сдвиг в правосознании в направлении слияния закона с авторитарностью и государства – с монолитностью общества.

Я мог бы отметить и некоторые положительные черты Проекта, но, конечно, это сделают без меня другие. В целом – я не могу одобрить этот Проект изменения Конституции СССР.

Нью Йорк, 23 июня 1977 г.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ И РЕЛИГИЯ

*Председателю Конституционной Комиссии
Леониду Ильичу Брежневу*

*членов Христианского Комитета защиты
прав верующих в СССР*

ОБРАЩЕНИЕ

Уважаемый Председатель Конституционной Комиссии !

Проект новой Конституции СССР провозглашает: "Возникла новая историческая общность людей – советский народ. Это общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся – патриотов и интернационалистов".

Тем не менее это общество включает в себя людей весьма различных взглядов, убеждений, верований. Значительную часть его составляют верующие различных религий, которые хотят быть и являются лояльными гражданами советского государства, хотя их мировоззрение принципиально расходится с марксизмом-ленинизмом.

Марксистско- ленинская теория положена в основу идеологии КПСС, правящей в СССР партии, членство в которой обусловлено принципом *добровольности*. Построение коммунизма – основная и конечная цель компартии и ее единомышленников. Коммунизм изображается марксистско-ленинской теорией как общество, в котором будут осуществлены все лучшие стремления человечества, за исключением религиозных идеалов, идеалов духовного и нравственного единения людей с Богом и друг с другом в Боге. Программные документы КПСС не оставляют никакого сомнения в том, что коммунизм и религия, в понимании современных партийных теоретиков, несовместимы, что по мере приближения к коммунизму с религией должно быть покончено. Устав КПСС вменяет в обязанность каждому члену партии "вести решительную борьбу с религиозными пережитками". Неотъемлемой частью теории и практики КПСС была

и остается антирелигиозная политика, выражающаяся *не только в атеистической пропаганде*, проводимой партийными и государственными органами на государственные, т. е. общенародные, средства. Одним из воплощений антирелигиозного курса КПСС является правовая дискриминация создаваемых верующими религиозных объединений: строгий контроль государственных органов над их жизнью, лишение их права юридического лица, права обладания материальным имуществом, запрещение им благотворительной деятельности, запрет религиозной проповеди и общественных богослужений вне молитвенных зданий, запрет преподавания религии (за исключением обучения родителями своих детей и преподавания в специальных духовных учебных заведениях), а также дискриминационная практика отказа верующим в их ходатайствах о регистрации новой общины, об открытии нового храма. Необходимые элементы религиозной жизни либо чрезвычайно ограничены, либо просто запрещены под угрозой уголовного преследования. Таким образом, стратегия и тактика руководимого КПСС коммунистического строительства предполагает разносторонние формы борьбы с религией в аспектах правовом, административном, пропагандном. КПСС утверждает в теории и осуществляет на практике принцип несовместимости коммунизма и религии.

Проект новой Конституции по существу ничего не меняет в правовом положении религии в СССР. Статья 52 Проекта, декларирующая свободу совести, по-прежнему, как и статья 124 ныне действующей Конституции, не предоставляет верующим свободы религиозной проповеди (которая гарантировалась первой Конституцией РСФСР). Статья 25 узаконивает *"единую систему образования, которая служит коммунистическому воспитанию"*. Это значит, что учебные программы на всех уровнях образования, от начальной до высшей школы, будут и впредь наполнены антирелигиозным содержанием. И учащиеся, независимо от их личного отношения к религии, будут обязаны усваивать этот материал. Это, по-видимому, означает также, что преподавание религии будет по-прежнему запрещено (за исключением обучения родителями своих детей, а также преподавания в специальных духовных учебных заведениях).

Но особенную тревогу верующих граждан вызывает то положение Проекта, где впервые в советской истории "построение

коммунистического (т. е. атеистического, в понимании авторов Проекта) общества” в законодательном порядке объявляется высшей целью не только партии, но и всего государства: *”Советское государство – государство нового типа, основное оружие ... строительства ... коммунизма”*. *”Высшая цель советского государства – построение бесклассового коммунистического (читай: атеистического) общества”*. Среди главных задач государства, в частности, указывается: *”... воспитание человека коммунистического общества”*. Человек из ”коммунистического общества”, с точки зрения современной идеологии КПСС, – непременно атеист.

Конституция – основной закон государства, имеющий обязательную силу для всех его граждан. С принятием предложенного Проекта все советские граждане, в том числе и миллионы верующих, в законодательном порядке будут обязаны участвовать в построении общества тотального безбожия, что совершенно неприемлемо для религиозной совести. Для религиозного сознания неприемлемо и статья 6 Проекта, в которой, в частности, говорится: *”Вооруженная марксистско-ленинским учением, коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества ... руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма”*. Верующий гражданин не может согласиться с конституционным узакониванием перспектив обязательного обезбоживания всего общества. Фактически преамбула и статья 6 Проекта представляют собою программные тезисы партии, которые ныне возводятся на пьедестал общегосударственного закона. Тем самым границы между партией и государством окончательно стираются, и паспорт гражданина становится партийным билетом коммуниста. Проект новой Конституции превращает советское государство в правовом отношении в *идеократически-тоталитарное*.

Если этот Проект будет принят, то перед верующими гражданами со всей серьезностью встанет мучительный вопрос: могут ли они без ущерба для их религиозной совести оставаться гражданами государства, законодательно объявляющего всеобщий атеизм своей целью?

”Кесарю – кесарево, Боже – Богу”, – таков непреложный, Богом данный принцип отношения христиан к государству. Этот

принцип предостерегает христиан от обеих крайностей: и от анархического неприятия государственной власти, и от уступок государству в случае непомерных его притязания. Христианство относилось лояльно к государству и его законам при всех существовавших доньше социально-экономических системах: рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической. Но в случае, когда государственные законы посягали на религиозную совесть христиан, христиане были вынуждены их преступать, даже под угрозой тяжких мучений и смерти.

Мы ожидаем, что Конституционная Комиссия отнесется с пониманием к проблемам, возникающим перед религиозной совестью верующих граждан нашей страны.

Мы надеемся, что при составлении окончательного текста Конституции наше Обращение будет должным образом учтено.

Из возникающего правового кризиса возможен и следующий выход:

1. Правящая партия исключает из своего Устава положение, обязывающее каждого ее члена "вести решительную борьбу с религиозными пережитками".

2. Она официально признает принципиальную совместимость коммунизма и религии.

3. Тезис о принципиальной возможности религии при коммунизме вводится в текст новой Конституции СССР.

8 июня 1977 г., г. Москва

Члены Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР : священник *Глеб Якунин*, иеродиакон *Варсонофий Хайбулин*, Виктор *Капитанчук*.

ИЗ ПРОШЛОГО

О МИХАИЛЕ ВИНАВЕРЕ

Процесс, вошедший в историю под именем "Сталинской чистки", вычеркнул из человеческой памяти миллионы имен. Молчат огромные обледенелые пространства, принявшие в свои недра горы безымянных трупов; со сменой поколений становятся все глуше голоса воспоминаний. И потому на тех, чья память еще жива, лежит обязанность нарушать время от времени инерцию молчания: этого требует и долг дружбы, и наказ исторической справедливости.

Человека, о котором я хочу напомнить современникам, звали Михаил Львович Винавер. Он работал в организации Красного Креста в Москве с момента ее возникновения до ликвидации в 1937 г.: в этом году он сам стал узником.

М.Л. родился в Варшаве и вырос в интеллигентной еврейской семье, хранившей польские национальные традиции: дед М.В. был участником восстания 1863 г. и провел ряд лет в ссылке. В гимназические годы внук повстанца становится членом нелегального социалистического кружка, примыкавшего к Бунду; связь эту он сохранил надолго.

Получив в Бельгии диплом инженера, М.В. поселился с женой в Москве; там застала их война. В конце 1918 г. Польша стала независимым государством, и многие ее уроженцы вернулись из России на родину; уехала в Варшаву и жена М.В. Сам он остался в Москве и стал деятельным сотрудником организации Красного Креста, во главе которой стояла Екатерина Павловна Пешкова.

Из рассказов М.В. во время наших встреч в Варшаве я узнала многое об их совместной деятельности.

Дело, которому они оба себя посвятили, требовало полной самоотдачи. В небольшом кабинете организации, заваленном пакетами для тюремных передач, с утра до поздней ночи толпился народ: матери, жены, сестры политзаключенных шли сюда за советом, за поддержкой. Перерыв в приеме наступал только тогда, когда Е.П. Пешкова и М.Л. Винавер отправлялись в обход московских тюрем, таща на салазках груды передач.

Нередко становилось необходимым разделение труда: Е.П. брала на себя всю местную работу, а М.В. предпринимал разъезды по северным губерниям, Сибири и Туркестану. Особая функция вводила его на короткое время за пределы Советского Союза: обмен задержанных на территории России поляков (среди них преобладали лица духовного звания, бывшие военные и помещики) на польских коммунистов, получивших по суду долгосрочные приговоры. Коммунистическая партия в Польше под-

вергалась суровым репрессиям, и возможность променять многолетнее прозябание в тюремной камере на жизнь в центре мирового коммунизма казалась щедрым даром судьбы. Мало-помалу в результате ряда операций обмена в Москву перекочевал чуть ли не весь Центральный Комитет Польской коммунистической партии. И никому из приезжих не могло, разумеется, привидеться в самом кошмарном сне, что предел его жизни положит в свое время пуля в подвале Лубянки.

В первые годы своей деятельности организация Красного Креста имела возможность проявлять большую активность. Во главе центральной организации безопасности (в просторечии – Чеки) стоял Феликс Дзержинский. М.В. знал его в Варшаве, как члена польской социал-демократической партии и опытного подпольщика, и считал человеком якобинского склада и прямолинейным идейным фанатиком, лишенным, однако, тяготения к жестокости. Не изменил он этой оценки и во время постоянного личного общения с шефом "Чрезвычайки" в Москве. Мне запомнился эпизод, рассказанный М.В.: когда в списке эсеров, приговоренных к ссылке в Архангельскую губернию, оказалось имя Даши Кронштадтской (Юлии Зубелевич), Дзержинский не задумываясь вычеркнул имя героини матросского бунта в 1905 г., сказав М.В.: "Дашу Кронштадтскую мы ссылать не будем".

Чрезвычайная Комиссия начала свою работу в обстановке послевоенного хаоса и гражданской войны; на территории Советского Союза очутилось множество поляков, чехов, венгров, некоторые из них приняли участие в белом движении, большинство застряло в послевоенной неурядице. Красный Крест работал с большой энергией, способствуя ликвидации репрессий и помогая возврату на родину.

Во время одной из наших бесед выяснилось, что Красному Кресту приходится на собственные средства приобретать почти весь материал для тюремных передач, и я спросила, как они справляются с проблемой бюджета. М.В. ответил, что часть фонда организации состоит из сумм, собранных за границей эмигрантскими группами или отдельными лицами (значительные суммы присылал из Италии Горький), но главной опорой бюджета являются постоянные взносы местных людей, материально привилегированных представителей творческой интеллигенции – писателей, людей науки, художников, артистов. Обрадовало меня сообщение, что к М.В. ежегодно является мой брат – математик, профессор и автор ряда научных трудов – и приносит постоянный взнос – отчисление от своего годового заработка. Несомненно, так поступали и многие другие.

М.В. считал существенной частью своей работы личное общение с людьми, обреченными на изоляцию, но с году на год все труднее становилось добиться прямого контакта. По мере того как твердел нажим центральной власти во всех областях жизни, суживался масштаб деятельности Красного Креста. Во время одной из наших последних встреч М.В. с грустью сказал: "При Дзержинском мы имели возможность помогать тысячам, при Менжинском – сотням, при Ягоде работать стало труднее..." Закончить свой отчет он не смог: при Ежове он сам стал узником...

Перемены в деятельности органов безопасности были точным барометром эволюции, которую переживал режим: в работе Красного Креста они ощущались с особенной остротой.

М.В. ежегодно приезжал в Варшаву на несколько недель для операции обмена советских узников на польских. Приезжая со сложной миссией, он вынужден был считаться с возможностью двойной слежки и предпочитал встречаться только с близкой родней и ограниченным кругом друзей.

Приезд М.В. всегда был для меня событием: наш друг привозил вести с родины, с которой я была разлучена. В конце 1918 г. мы с мужем приняли поездку в Польшу к его родителям, чтобы подкормить изголодавшихся в Петрограде детей. Тем временем произошли значительные исторические события, и Польша обрела независимость, к которой давно стремились ее лучшие люди. Меня отделила от России граница, охраняемая штыками, а муж, уроженец Польши, с головой ушел в общественную работу.

Книг из России М.В. не привозил, считаясь с официальным характером своей миссии, но привозил с собой театральные афиши, программы выставок и литературных вечеров, дополняя эти документы эпохи подробными комментариями. Противоречивая действительность двадцатых годов вставала передо мной – жесткая, крутая жизнь, требовавшая немалых жертв, и хлынувший из развороченной почвы поток вдохновенного новаторского творчества. М.В., ежедневно, ежечасно находившийся вплотную к человеческим страданиям, успевал чутко прислушиваться к голосам литературы, театра, фильма.

В тридцатых годах голоса стали звучать глуше, а многие совсем замолкли. Красному Кресту нередко становилось не под силу разыскать замолкавших: многие из арестованных попадали в закрытые изоляторы или в лагеря, где свидания давались один раз в два-три года и только ближайшим членам семьи. Личный контакт удавалось сохранять только со ссыльными. М.В. настойчиво добивался возможности личного общения с заключенными – он понимал, что, как ни важна для изнуренного "зэка" пара теплых валенок или кусок солонины, иногда может стать еще более ценным человеческое участие, тем более что работник Красного Креста мог оказаться единственным звеном между узником и окружающим миром.

В начале тридцатых годов М.В. удалось посетить тяжело больного В.А. Базарова*, лежавшего в тюремной больнице. Узник просил об одном – довести до сведения "органов", что ему не стоит устраивать "показательный" процесс, потому что от него не добьются ни слова, – так уж лучше просто написать на расстрел или повременить, так как он, по словам врача, долго не протянет.

---

* В.А. Руднев-Базаров (1874-1938), выдающийся экономист, переводчик Маркса, один из старой гвардии большевиков, ставших жертвами чистки.

Поручение удалось выполнить: Базарову не пришлось выступать в зале суда – приговор был выполнен без огласки.

Я редко расспрашивала М.В. об отдельных людях, но меня интересовала и подчас тревожила судьба Горького и его семьи. М.В. сблизился не только с Е.П. Пешковой, но и с ее сыном, и с Алексеем Максимовичем. С возмущением и сердечной болью рассказывал он о преждевременной смерти Максима Пешкова, которого свело в могилу осложнение давнишнего туберкулеза. По словам М.В., Максима, которому врач запретил пить, систематически спаивали какие-то молодчики, в жестокие морозы водившие его по кабакам. Результатом было острое воспаление легких. Тревожила М.В. и атмосфера в доме Горького: писатель был окружен людьми, не внушавшими доверия...

Когда М.В. пришел к нам в конце 1936-го года, я нашла его сильно постаревшим. Он был менее разговорчив, чем обычно, поделился сведениями о нескольких литературных новинках, но промолчал о Красном Кресте. Я не решилась спросить, продолжают ли он и Пешкова свою работу.

В начале января он пришел проститься, и в ответ на мое обычное "до свиданья, до встречи в конце года" я услышала тихое: "До свиданья или прощай". Вздвигнув, как от неожиданного удара, я пробормотала: "Если так... Ты все-таки едешь?" Он ответил: "Мое место – там".

Шли месяцы, и в августе мне позвонила Елена Винавер, чтоб сказать, что муж арестован. Она поехала к нему, как всегда, чтоб провести вдвоем несколько недель в Крыму, но летний отдых был прерван появлением полиции. Михаил был увезен сразу после обыска, и ей прочли предписание немедленно покинуть пределы Советского Союза.

Спустя некоторое время, Е.П. Пешкова сообщила, что М.В. приговорен к тюремному заключению; она взяла на себя заботу о нем. Красный Крест прекратил существование.

В 1940 году в Вильне, одном из центров скопления военных беженцев, я узнала, что М.В. недавно умер в московской тюрьме от инфаркта.

Остается добавить несколько слов. Побуждения, заставившие моего друга отдать все свои силы делу помощи заключенным, не требуют комментариев, но мне хочется сказать еще об одном, глубоко запятом и едва ли до конца осознанном стимуле работы, ставшей смыслом его жизни. Оставшись в Москве после Октября, он понял, что революция была неизбежна и характер ее в значительной мере определен тем, что она выросла из мировой бойни и была встречена гражданской войной. Он знал, что, говоря словами Бабеля, "революция стреляет", но подлинной средой были те романтики двадцатых годов, которым не хотелось видеть на ее знамени слишком много кровавых пятен; как бабелевский Чедалп, они втайне мечтали об "Интернационале добрых людей". Работа М.В. вдохновлялась двойным стремлением – спасти людей и спасти новый строй от крайностей террора.

Неудивительно, что в ощущении бессилия его сердце перестало биться.

Софья Дубнова-Эрлих

Об авторе

Софья Семеновна Дубнова-Эрлих родилась в 1885 г. в городе Мстиславле в семье еврейского историка С.М. Дубнова. Детство и раннюю молодость провела в Одессе. В 1906 г. вступила в еврейскую социалистическую партию "Бунд" и принимала участие в военно-революционной работе в Северо-Западном Крае. В конце десятилетия была студенткой Петербургского университета и секретарем "Кружка молодых".

Во время первой мировой войны сотрудничала в горьковской "Летописи". В междувоенные годы жила в Польше и была активной сотрудницей изданий "Бунда" на еврейском и польском языках. С 1942 г. проживает в США. Муж С.С., Г.М. Эрлих, член Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов в 1917 г. и один из вождей "Бунда" в междувоенной Польше, был арестован органами НКВД в Брест-Литовске в начале октября 1939 г. и расстрелян в декабре 1941 г. в Куйбышеве.

БИБЛИОГРАФИЯ

”Двадцатый век”, выпуски 1, 2

Журнал ”Двадцатый век” издается в Москве в самиздате под редакцией историка Роя Медведева. В Лондоне Жорес Медведев издает избранные статьи из этого журнала отдельными выпусками. Уже вышло 2 выпуска, которыми располагает редакция.

В первом выпуске в предисловии Роя Медведева отмечено, что, начиная выпускать журнал, группа единомышленников считает ”своей главной задачей сочетание социализма и демократии”.

Здесь отмечены лишь некоторые статьи, касающиеся тематики ”Хроники защиты”.

Выпуск 1.

Рой Медведев. ”Вопросы, которые волнуют каждого” – статья об общих проблемах и разногласиях в движении инакомыслящих.

Борис Ямпольский. ”Из воспоминаний”.

Д. Витковский. ”Полжизни”.

Выпуск 2.

Рой Медведев. ”Сталин. Некоторые страницы политической биографии”.

В статье содержатся дополнительные сведения о Сталине, которые автор получил после написания им известной книги ”К суду истории”.

А. Красиков. ”Товар номер один” – подробный и аккуратный анализ доступной автору информации об экономической стороне проблемы алкоголизма в СССР.

Александр Лебедев. ”Будни без выходных”. Из воспоминаний политзаключенного.

”Вестник русского христианского движения”, вып. 120

Среди материалов ”Вестника”:

Документы Христианского комитета защиты прав верующих.

Письмо священника Д. Дудко.

Сахаров А., Шафаревич И. Обращение в защиту А. Гинзбурга.

Мнюх Ю. ”Не допустить ликвидации Солженицынского Фонда”.

Осипов В. ”Рождественское поздравление отечественным и зарубежным друзьям из Мордовских лагерей”.

Новые книги

А. Красно-Левитин. ”Лихие годы, 1925-1941” – воспоминания известного деятеля советского правозащитного движения, ИМКА-пресс, 1977.

И.Р. Шафаревич. "Социализм как явление мировой истории". Книга содержит критический обзор различных политических систем, которые автор считает социалистическими. И. Шафаревич – известный деятель правозащитного движения – обращает внимание на положение личности в обсуждаемых политических системах. ИМКА-пресс, 1977.

Новые книги издательства "Хроника"

"Хроника текущих событий", вып. 43, 31 декабря 1976 г.

Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Выпуски 2,3. В сборнике – документы Московской, Украинской и Литовской групп.

Поступления Самиздата

Андропова Е. Открытое письмо советскому правительству, 13 февраля 1977 г.

Барладяну В. Обращение в организацию "Международная Амнистия", 25 сентября 1976 г.

Барладяну В. "Василий Барладяну – рассказывает о себе", 12 февраля 1977 г.

Бердник О. Открытое письмо председателю КГБ СССР Андропову, председателю КГБ УССР Федорчуку, 1977 г.

Болонкин А., политссылный. Заявление на имя Н. Подгорного, май 1977 г.

Бородин Л. Заявление для печати по поводу взрывов в Москве, 11 января 1977 г.

Волощук Л. Обращение "К людям доброй воли" о помещении ее мужа – баптиста А. Волощука в психиатрическую больницу, 4 апреля 1977 г.

Галецкий Р., адвентист. "Сообщение о положении религии и верующего в СССР", 1977 г.

Горченко С. "Акт произвола и насилия" – письмо в Группу "Хельсинки" об избииении в милиции его сына – А. Горченко, 31 января 1977 г.

Григоренко П. "Что же произошло на площади Пушкина в Москве 5 декабря 1976 г.", декабрь 1976 г.

Григоренко П. Ответ на вопрос корреспондента агентства "Ассошиэйтед Пресс" Майдена, 22 марта 1977 г.

Григоренко П. Заявление на пресс-конференции для иностранных журналистов 4 апреля 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Жолковская И. Письмо американскому адвокату Э.Б. Уильямсу, 1977 г.

Каплун И. "Заявление для прессы" о насильственном помещении ее мужа – Владимира Борисова в психиатрическую больницу, 26 декабря 1976 г.

Каплун И. Обращение к международным психиатрическим организациям о принудительной изоляции ее мужа – Владимира Борисова в психиатрической больнице, 23 января 1977 г.

- Кислик В. Заявление начальнику Отдела административных органов ЦК КПСС, ЦК КПУ и прокурору г. Киева о незаконном задержании, 18 апреля 1977 г.
- Корнилов В. Письмо писателям Дж. Чиверу, Э. Колдуэллу, Дж. Апдайку, 20 марта 1977 г.
- Кремень М. "Рецензия на премьеру телефильма "Скупщики душ", состоявшаяся 22. 1. 77 г. по Центральному Телевидению", январь 1977 г.
- Ланда М. Заявление в прокуратуру г. Москвы об обыске на квартире Ю. Мнوخа, 8-9 февраля 1977 г.
- Ланда М. "Дело о пожаре или дело о текстах "противозаконного содержания", 17-20 февраля 1977 г. (см. наст. вып.).
- Ланда М. "Некоторые сведения о моем отце – Ланде Ное Викторовиче", 20 февраля 1977 г.
- Левин И. Сообщение о репрессиях против него, 20 января 1977 г.
- Любарский К. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Янова, 17 января 1977 г.
- Любарский К. Заявление на имя члена ЦК КПСС маршала Огаркова, 17 января 1977 г.
- Любарский К. Письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорному, 24 января 1977 г.
- Любарский К. Обращение к главам государств и правительств стран-участниц Хельсинкского соглашения в защиту арестованного Александра Гинзбурга, 4 февраля 1977 г.
- Любарский К. "Александр Александрович вдохновляется рисовой кашей" – об А. Петрове-Агатове в связи с публикацией письма последнего в "Литературной газете", 5 февраля 1977 г.
- Матвиюк К., бывший политзаключенный. Заявление на имя председателя исполкома Александрийского Совета депутатов трудящихся о невозможности найти работу, 17 декабря 1976 г.
- Матвиюк К., бывший политзаключенный. Письмо в редакцию газеты "Правда", 5 января 1977 г.
- Мейман Н. "По поводу интервью Роя Медведева", 16 апреля 1977 г.
- Мешко О. Письмо в посольство Австралии в СССР о сыне – политзаключенном А. Сергиенко, 2 марта 1977 г.
- Мильгром И., мать А. Щарацкого. 6 писем в защиту ее сына, 1977 г.
- Мнох Ю. "Не допустить ликвидации Солженицынского Фонда", 7 января 1977 г.
- Мнох Ю. Заявление в прокуратуру г. Москвы по поводу проведенного на его квартире обыска, 8 февраля 1977 г.
- Мороз Р. Заявление на имя председателя КГБ СССР Андропова о преследованиях в лагере ее мужа – политзаключенного Валентина Мороза, 25 января 1977 г.
- Некипелов В. "В седьмой раз... (Заявление для прессы)" – о проведенном у него обыске, 4 июня 1977 г.
- Николаев Е. Заявление на имя заместителя Генерального Прокурора СССР Гусева в связи с угрозами последнего в адрес А.Д. Сахарова, 29 января 1977 г.

- Огурцов И., политзаключенный. Письмо семье, 1977 г.
- Орлов Ю., руководитель Московской группы "Хельсинки"
 Письмо г-ну Фасселу, 6 января 1977 г.
 Письмо г-же Фенвик, 6 января 1977 г.
 Письмо А. Френдли, январь 1977 г.
 Обращение к правительствам Запада и к правительству СССР об усилении репрессий и о возможном возврате к сталинизму в СССР, 8 февраля 1977 г.
- Павлов Л.Н. Заявление начальнику Ленинградского ОВИРа, 5 декабря 1976 г.
- Павлов Л.Н. Заявление в Группу "Хельсинки" с просьбой оказать содействие в эмиграции из СССР, 18 февраля 1977 г.
- Подрабинек А. Открытое письмо главному врачу Красноярской краевой психиатрической больницы Гладких Б.С. о находящемся в этой больнице политзаключенном Ю. Белове, 1 февраля 1977 г.
- Подрабинек А. Заявление об обыске на квартире Елены Бобрович, март 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Розенштейн Г. Обращение к главам государств и правительств стран-участниц Хельсинкского совещания о преследованиях членов Группы "Хельсинки" в СССР, начало 1977 г.
- Розенштейн Г. Обращение "К верующим людям" в защиту арестованного Анатолия Щаранского, 16 марта 1977 г.
- Сахаров А.Д. Обращение к главам государств-участников Соглашения в Хельсинки, 5 января 1977 г.
- Сахаров А.Д. Интервью шведскому телевидению, 4 апреля 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Серебров Ф. Прощение о взятии под защиту Виктора Некипелова и Александра Подрабиника в Группу "Хельсинки", 14 июня 1977 г.
- Твердохлебов А. Письмо м-ру Дарндорфу, 15 февраля 1977 г.
- Тереля И., бывший политзаключенный. Открытое письмо председателю КГБ СССР Ю.В. Андропову, 23 марта 1977 г.
- Турчин В. Письмо Риппо ди Миано, председателю Оргкомитета художественной выставки "Биеннале" за 1977 г., 30 апреля 1977 г.
- Турчин В. Об аресте Юрия Орлова (опубл. наст. вып.).
- Федоров Ю., политзаключенный. Письмо из Мордовского лагеря о особом режиме, начало 1977 г.
- Ходорович Т. "Добро и Милосердие" – об аресте Александра Гинзбурга, 4 февраля 1977 г.
- Ходорович Т. "Человек рождается свободным..." , июнь 1977 г.
- Шелков В.А., председатель Всесоюзной Церкви адвентистов. Сообщение в Группу "Хельсинки" об аресте адвентиста Кочергина, 20 марта 1977 г.
- Юргутене М. Заявление в адрес Группы "Хельсинки" об отказе в разрешении на выезд к мужу в США, 8 февраля 1977 г.
- Юргутене М. Заявление мировой общественности, людям доброй воли, президенту США Картеру с просьбой помочь ей выехать к мужу в США, 10 марта 1977 г.

Ярым-Агаев Ю. Письмо в Прокуратуру СССР, в редакцию газеты "Известия" и в редакции иностранных газет в защиту арестованного Анатолия Щаранского, 22 марта 1977 г.

Коллективные произведения

- Бахмин В., Андропова Е. и др. (всего 8 подписей). Письмо по поводу ареста Юрия Орлова, 16 февраля 1977 г.
- Гамсахурдиа З., Костава М., Бежуашвили Б., Джанелидзе Т. Поздравление президенту Израиля с Днем независимости, апрель 1977 г.
- Гольдштейны Г. и И., Быкова Е. "Нарушения советскими учреждениями законности, выразившиеся в пресечении международной переписки Гольдштейнов", Тбилиси, февраль 1977 г.
- Гольдштейны Г. и И., Быкова Е. "Неоконченный роман" о выходе Гольдштейнов из советского гражданства", Тбилиси, февраль-апрель 1977 г.
- Гольдштейны Г. и И., Быкова Е. Письмо начальнику ОВИРа МВД СССР В.С. Обидину с просьбой выслать анкеты о выходе из гражданства СССР, Тбилиси, 5 января 1977 г.
- Гольдштейн И., Быкова Е. Заявление министру связи СССР по поводу отключения телефона с 2-мя приложениями, 29 марта 1977 г.
- Горетой Н., епископ, Перчаткин Б. и еще 500 подписей (пятидесятники). "Обращение к христианам мира" в защиту арестованных А. Гинзбурга, Ю. Орлова, А. Щаранского, март 1977 г.
- Григоренко П., Алексеева Л. и др. (18 подписей). Обращение ко Всемирному форуму миролюбивых сил, 13 января 1977 г.
- Жолковская (Гинзбург) И., Валитова (Орлова) И. Заявление для прессы, 13 апреля 1977 г.
- Корнилов В., Копелев Л. "К порядку ведения Белградской конференции", 1977 г.
- Ланда М., Слепак В. "Новые аресты членов Хельсинкских группы, инсинированные обвинения в шпионаже", 1 мая 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Медведев Р., Турчин В. Письмо руководителям социалистических и коммунистических партий Европы о преследованиях членов Группы "Хельсинки", 7 января 1977 г.
- Некипелов В., Ходорович Т. "В измене не повинен. (Слово в защиту Игоря Огурцова)", февраль 1977 г.
- Некипелов В., Ходорович Т. "Опричина – 1977. Политические расправы уголовным путем", 1977 г.
- Перетыкин Е., Кравцова Г., адвентисты. "Факт грубого произвола диктатуры гоматеизма" (направлено в Группу "Хельсинки"), 19 марта 1977 г.
- Сахаров А., Григоренко П., Каллистратова С. Письмо Прокурору СССР об аресте Звиада Гамсахурдиа, 14 апреля 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Серые В. и Л., Голумбиевская А., Тымчук Л., Городенцев С., Барладяну В.С. Выступления в защиту арестованного Василия Барладяну, Одесса, март 1977 г.

- Сорока С., Педан Л., политзаключенные. "Хроника ГУЛага – лагерь 35", конец 1976 г.
- Ходорович Т., Ланда М. Текст "А. Солженицыну, А. Гинзбургу, участникам Русского общественного фонда в СССР. Искренняя благодарность и признательность" (о взятии на себя распределения средств Фонда), 5 апреля 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- 11 подписей (Григоренко П., Каллистратова С. и др.). "По поводу предложения и угроз А.Д. Сахарову", 29 января 1977 г.
- 61 подпись. "В поддержку "Хартии 77", 12 февраля 1977 г. (опубл. "Хроника защиты" 25).
- 85 подписей. Обращение к рабочим заводов "Рено" во Франции, 1977.
- 45 членов московской общины ЕХБ. Заявление в адрес Верховного Совета СССР с протестом против помещения в психиатрическую больницу баптиста А. Волощука, 3 апреля 1977 г.
- 6 сов. евреев. Поздравление президенту Израиля с Днем независимости, апрель 1977 г.
- 5 грузин-месхов. Заявление-протест по поводу преследования В. Рцхиладзе, 12 марта 1977 г.
- 7 подписей (Рцхиладзе В. и др.). Заявление "Происки ЦРУ или провокация КГБ?" о встрече человека, назвавшегося Уильямсом Фоссетом, с Г. Гольдштейном, Тбилиси, 25 мая 1977 г.
- Христиане-пятидесятники. Заявление на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Подгорного с просьбой выпустить их из СССР, 1977 г.
- 19 политзаключенных Мордовских лагерей. О письме в "Литературную газету" А. Петрова-Агатова, февраль 1977 г.
- 315 подписей. "Свободу Александру Гинзбургу", февраль 1977 г.
- 107 подписей. "В защиту Юрия Орлова", 10 февраля 1977 г.
- 20 подписей (Слепак В., Великанова Т. и др.). Заявление для печати по поводу ареста А. Щаранского, 16 марта 1977 г.
- Более 27 сов. евреев (В. Браиловский и др.). Обращение к Международному суду по делу д-ра Штерна, интеллектуалам, ученым, религиозным деятелям, артистам, всем людям доброй воли в защиту арестованного Анатолия Щаранского, 20 марта 1977 г.
- 9 политзаключенных. Обращение к президенту США Картеру, 20 января 1977 г.
- Группа диссидентов. Обращение к Международной лиге прав человека, Инициативному комитету борьбы против использования психиатрии в политических целях, Международной ассоциации психоаналитиков о насильственном помещении в психиатрическую больницу Владимира Борисова, 26 декабря 1976 г.
- 12 подписей (Барабанов Е., Гинзбург А. и др.). Обращение к христианам всего мира с призывом помочь политзаключенному Габриэлю Суперфину получить Библию, конец 1976 г.

Анонимные произведения

- "Краткая биография Анатолия Борисовича Щаранского", апрель (?) 1977 г.
- Краткие сообщения о С. Шевелеве (Одесса), семье Серых (Одесса) и о политзаключенных В. Лисовом, Е. Пронюке и А. Матияше.
- Сообщение о суде над Мустафой Джемилевым, 1976 г.
- Письмо "Соотечественникам М. Джемилева", 1976 г.
- Запись суда над Антуаном Пипе, Ленинград, 24-25 марта 1977 г.
- Документы процесса по делу Юлии Окуловой-Вознесенской (включая протоколы допросов свидетелей), 1976 г.

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

- Документ № 18. "О положении месхов", 14 января 1977 г.
- Документ № 19. "О срыве советскими властями международного симпозиума по еврейской культуре", 10 января 1977 г.
- Документ № 20. "О нарушении прав граждан на эмиграцию", март-апрель 1977 г.
- "Срочное сообщение: Рождественские репрессии в Советском Союзе", 27 декабря 1976 г.
- "Рождественские репрессии против Украинской группы содействия, театрализованная попытка компрометации ее членов", 28 декабря 1976 г.
- Документ № 15. "Об исключении семерых учеников из средней школы им. Венуолиса (Вильнюс)", 8 декабря 1976 г.
- Заявление "Правительствам стран-участниц Хельсинкских соглашений", 20 февраля 1977 г.
- "За три месяца до Белграда", 27 февраля 1977 г.
- Итоговый документ к Совещанию в Белграде, май 1977 г.
- Заявление в связи с арестом Анатолия Щаранского, 16 марта 1977 г.
- Заявление в связи с высылкой американского корреспондента Дж. Крымски, февраль 1977 г.
- Заявление от 5 января 1977 г.
- Обращение к главам правительств стран-участниц Хельсинкского соглашения с просьбой выступить в защиту В. Зосимова, 26 ноября 1976 г.
- Сообщение об образовании Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях.

- Сообщение о судьбе Владимира Борисова, 15 января 1977 г.
- Сообщение о нахождении Владимира Борисова в психиатрической больнице, 31 января 1977 г.

Сообщение о помещении в психиатрическую больницу баптиста А. Волощука, 25 марта 1977 г.

Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Сообщение об осуждении Петра Рубана.

Литовская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Сообщение об усилении репрессий в Литве, 28 февраля 1977 г.

Инициативная группа защиты прав человека в СССР (совместно с Группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР).

Обращение к правительствам государств-участников Совещания в Хельсинки и к общественности этих стран об аресте А. Гинзбурга и преследованиях Ю. Орлова, 4 февраля 1977 г.

Обращение к главам правительств и парламентам стран-участниц Совещания в Хельсинки в связи с арестом руководителя Группы содействия Юрия Орлова, 9 февраля 1977 г.

“10 декабря – в День прав человека – политзаключенные СССР держат голодовку – протест против несоблюдения прав человека в СССР”, 10-13 декабря 1976 г. (и 23 поддерживающих).

“Датскому комитету Сахаровских чтений, “Международной Амнистии”, Международной лиге прав человека, всем, поддерживавшим предложение об одновременном освобождении Л. Корвалана и В. Буковского”, 12 декабря 1976 г.

Заявление в поддержку предложения одновременного освобождения Л. Корвалана и В. Буковского, декабрь 1976 г.

О помещенном в “Литературной газете” интервью А.Я. Сухарева, 17 декабря 1976 г.

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР.

Обращение к мировой христианской общественности об аресте З. Гамсахурдиа и М. Костава, 1977 (опубл. наст. вып.).

Заявление для прессы по поводу статьи Б. Рощина “Свобода религии и клеветники” в “Литературной газете”, 21 апреля 1977 г.

Обращение к председателю Конституционной комиссии, 8 июня 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Совет родственников узников ЕХБ.

“Новогоднее обращение”, январь 1976 г.

Обращение к советскому правительству, Комитету прав человека в СССР и другие организации о невыполнении условий “Новогоднего обращения”, 24 января 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Официальные документы

Перечень продуктов, разрешенных заключенным под стражу в Калужской следственной тюрьме (Калуга, п/я ИЗ 37/1) .

Перечень продуктов, запрещенных в передачах и посылках заключенным Калужской следственной тюрьмы.

Приговор по делу Федоренко В.П., март 1975 г.

Приговор по делу Богдана Ребрика, 1975 г.

Приговор по делу В. Маресина, 14 апреля 1976 г.

Повременные издания

"Хроника текущих событий", вып. 44, 16 марта 1977 г.

"Информационный бюллетень" по делу Гинзбурга и Орлова, вып. 1

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Агурский М.	57	Валитова (Орлова) И.	Горченко А.	111
Азбель М.	88		Горченко С.	111
Алексеева Л.	29-38, 114	Великанова Т.	Горький М.	106,108
Амальрик А.	21	Вельчинская Н.	Григоренко П.	7,12, 19-22,47,49,111,
Андропова Е.	111,114	Венцлова Т.		114, 115
Андропов Ю.	111-113	Вербицкий	Гусев С.	18,112
Андрющенко Н.	79	Вибе П.		
Антоненко-Давидович		Вильчинская Э.	Давид, патриарх	8
	23	Винавер Е.	Данилов Н.	47
Антонов И.Я.	79	Винавер М.	Даниэль Ю.	29,45
Апдайк Дж.	112	Винс Г.П.	Дарвин Ч.	43
Ассельбаумс Т.	48	Винс Л.М.	Дарндорф	113
Ащеулов В.	12	Витковский Д.	Дейнега Н.	76,77
		Волощук А.	Джанелидзе Т.	114
Бабель И.	108		Джемилев М.	30,116
Барабанов Е.	57,115	Волощук Л.	Джилас М.	45
Барин Е.	74	Вольпин А.	Дзержинский Ф.	106
Барладяну В.	111,114	Воронина Л.	Добинас	36
Батурин	73	Восс Ю.	Домбровская	79
Бахмин В.	12,114	Гавел В.	Дубицкий	73
Бегун И.	25	Галецкий Р.	Дубнов С.М.	109
Бежуашвили Б.	114	Гамсахурдиа Э.	Дубнова-Эрлих С.С.	105-109
Белов Ю.	47, 113			
Бердник О.	111		Дудко Д.	110
Библинко И.	76,77	Гамсахурдиа К.		
Бобрович Е.	10,113	Гасгев Ю.	Евтухович	75
Богущес	37	Гаяускас Б.	Егидес	47
Болонкин А.	111	Германюк У.	Ежов Н.	106
Бондарь Л.Т.	79	Гершуни Вл.		
Бордо М.	52	Гинзбург А.	Жарких Ю.	12
Борисов В.	25		Животягина	75
Борисов Вл.	47,111, 115,116		Жолковская И.	111, 114
Бородин Л.	111	Гинзбургс Дж.		
Брайловский В.	115	Гладких Б.С.	Зосимов В.	116
Брежнев Л.	6,30,37, 60,101,115	Глузман С.		
Бресенден Е.	56	Голумбиевская А.	Игрунов В.	47
Буковский В.	21, 42-50,60,117	Гольдштейны Г. и И.		
Быкова Е.	114		Каллистратова С.	7, 114,115
		Горбаневская Н.	Камов-Кандель Ф.	88
		Горетой Н.		
		Городенцев С.		

Капитанчук В.	8-9,33, 101-104	Маресин В.	118	Передереев В.	76
Кашун И.	111	Маринович М.	23,26	Перетькин Е.	114
Картер Дж.	59,60, 113,115	Матвиук К.	112	Перчаткин Б.	114
Киблицкий И.	12	Матияш А.	116	Петренко	75
Кислик В.	112	Матусевич М.	23,26	Петров-Агатов А.А.	26,112,115
Колдуэлл Э.	112	Медведев Ж.	47,110	Пешков М.	108
Копелев Л.	114	Медведев Р.	110, 112,114	Пешкова Е.П.	105, 108
Корвалан Л.	117	Мейман Н.	13,112	Пинский Л.	12
Корнилов В.	12,112, 114	Мелашенко А.	79	Пипе А.	116
Коровин О.	75	Менжинский В.	106	Писарев С.	44
Костава М.	8-9,24,26, 38,41,55,114,117	Мешко О.	112	Плющ Л.	21,47
Коцюбинская М.	23	Миано, Р. ди	113	Подгорный Н.	111, 112,115
Кочергин	113	Мильгром И.	112	Подрабинек А.	10,19, 113
Кравцова Г.	114	Миняков Д.	74,76,79	Поламарчук О.	78
Красивский З.	47	Млинарж З.	80-86	Полушина В.	79
Красиков А.	110	Мнью Ю.	24,25,110, 112	Пономарев А.	47
Красин В.	39	Моисеев И.	76,77	Пронюк Е.	116
Краснов-Левитин А.	57,110	Мороз В.	112	Пяткус В.	35,37
Кремень М.	112	Мороз Р.	112	Рабин А.	12
Кропивницкая В.	12	Морозов	46	Рабин О.	12
Крымски Дж.	116	Назарук	75	Ребрик Б.	118
Крючков Г.	74,79	Наприенко В.	77,79	Регельсон Л.	57
Кузнецов С.	75	Нашпиц М.	88	Реддавей П.	51-58
Кузьмин	9-10	Некипелов В.	112-114	Римкус Л.	35
Кукобака М.	47	Николаев Е.	112	Розенштейн Г.	113
Ланда М.	9-10,14-15, 23-28,112,114,115	Никсон Р.	87	Рошин Б.	117
Ланда Н.В.	112	Обертас Е.	23	Рубан П.	117
Лебеденко А.	110	Обидин В.	114	Руденко Н.	8,16,24, 26,38,39,59
Левин И.	112	Овчинников В.	12	Руденко Р.	9
Лернер А.	88	Огарков	112	Руднев-Базаров В.А.	107-108
Липавский А.	26,89	Огурцов И.	113,114	Румачик Л.В.	79
Липсон Л.	9-10	Окулова-Вознесенская Ю.	116	Румачик П.	78,79
Лисовой В.	116	Орлов Ю.	5-6,8,12,13, 16,23-27,30,31,36,38, 39,54,59,113-115, 117,118	Рцхиладзе В.	24,115
Лукин Т.	76	Осипов В.	110	Ръжук Л.И.	79
Лукьяненко Л.	48	Павлов	9-10	Рытикова Г.	79
Любарский К.	24,112	Павлов В.	34	Самсонов Н.Н.	45
Май А.	88	Павлов Л.Н.	113	Сахаров А.Д.	6,7, 16-18,21,24,30,59, 60,87,110,112-115
Майден	111	Педан Л.	115		
Майер Я.	76,77				

Светличный	45,46	Ткаченко П.	73	Чалидзе В.	39-41
Семенов	37	Турчин В.	5-6,25,59, 113, 114	Чивер Дж.	112
Сергиенко А.	112	Тымчук Л.	114	Шафаревич И.	57, 110,111
Серебрянников П.А.	74,78-79	Уильямс Э.Б.	111	Шевелев С.	116
Серебров Ф.	12,113	Фассел	113	Шелков В.А.	113
Серые В. и Л.	114,116	Федоренко В.	118	Штерн М.	88,115
Синявский А.	29,45	Федоров Ю.	113	Штеффен И.	74
Слепак В.	23-28,114, 115	Федорчук	111	Штиглиц Н.	87
Случевский	43	Фенвик	113	Шох П.М.	78
Снежневский	43,44, 46,47	Филимонов В.	11	Шульц Ф.Ф.	44
Сокульский И.	48	Финкельштейн Э.	25	Щаранский А.	16,23, 25-27,38,39,59,87-89, 112-116
Солженицын А.	14,21, 23,57,59,115	Фоссет У.	115		
Сорока С.	115	Френдли А.	113		
Сталин И.	42,44,110	Хайбулин В.	8-9,33, 101-104	Эльская Н.	12
Старчик П.	47	Хебли Х.	52	Эрлих Г.М.	109
Суперфин Г.	115	Хмара Н.	77	Юргутене М.	113
Супрунович	75	Ходорович Т.	14-15, 25,57,113-115	Ягода Г.	106
Сухарев А.Я.	117	Хорев М.	76,79	Якир П.	39
Тарсис В.	46	Храпов Н.	74,79	Якунин Г.	8-9,33, 57,101-104
Твердохлебов А.	113	Хрущев Н.	5,42,44,45, 53,54	Ямпольский Б.	110
Тереля И.	113			Ярым-Агаев Ю.	114
Титов В.	47	Цитленок Б.	88	Яснов	112
Тихий А.	16,24,26, 38,39,59			Яхимович И.	47

\$ 5.00